
БИЛЕТ
В ОДИН КОНЕЦ

Олег Вещий

Билет в один конец

https://litres.ru/74733702
SelfPub; 2026

Аннотация

Билет в один конец уже выписан. Остались сущие мелочи: девяносто дней, чтобы расстаться со всем нажитым, закрыть старые долги, никому ничего не объясняя. Одни считают чужие деньги, другие чужие секреты, а третьи просто сидят на лавочке и всё замечают. Ну и куда же без родных органов? И каждый из них уверен, что без его совета герой никуда не денется.

Содержание

Глава 1 Точка за окном 4
Глава 2 Капсула 17
Глава 3 Хлопоты Московские 38
Глава 4 И вечный бой 64
Глава 5 Ознакомлен и согласен 81
Глава 6. Белорусский вояж 90
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Олег Вещий
Билет в один конец

Глава 1 Точка за окном

Он шёл по магазину и материл цены сквозь зубы.

Восемьдесят четыре года, боевой офицер, полковник ГРУ в отставке, две контузии и три ранения, а ломаешь голову, брать батон нарезного или кирпич чёрного, потому что разница в девять рублей. Смех, да и только. Юрий Петрович переложил авоську в другую руку (пластиковые пакеты он принципиально не признавал, считал их мусором) и остановился у лотка с зеленью. Петрушка сорок пять рублей пучок. Совсем охренели.

«Здоровье, говорят, дороже», буркнул он себе под нос, кидая зелень в корзину. «А деньги, выходит, дешевле».

В магазине, как всегда, толчея, и ценники такого мелкого шрифта, что без очков не разобрать. Очки он вечно забывал дома: в них он выглядел старым профессором, а не боевым офицером. Хотя какой он теперь офицер. Так, пенсионер с авоськой.

Продавщица, полная женщина с глазами уставшей лошади, глянула на него с жалостью: «Юрий Петрович, взяли бы корзинку. Вон, молодёжь на тележках катает».

Молодёжь и правда катила тележки так быстро и бодро, что сразу захотелось проверить у неё права.

«Эту авоську, Люба, я из Берлина привёз в семьдесят третьем, — ответил он ворчливо, без тени улыбки. — Она меня переживёт. Впрочем, как и тележки ваши».

До дома плёлся не спеша. Ноги гудели, хотя прошёл всего ничего: от магазина у «Смоленской» до своего дома в переулке у Арбата. Раньше здесь улицы назывались иначе, и дворы были тихие, с тополями. Теперь кругом стекло и бетон. Китайцы фотографировались на фоне высоток с такими серьёзными лицами, будто сдавали их в аренду, а европейские туристы прогуливались у «Книжки», длинного здания, похожего на раскрытый том.

Раньше здесь пахло Москвой: бензином, пирожками и «Шипром». Теперь пахло кофе навынос и глянцем.

Чужой стал город.

Или это он сам стал чужим.

Двор, впрочем, ещё держался. Довоенная шестиэтажка с колоннами: то ли до войны построили, то ли пленные немцы достраивали, никто уже не помнил. Во дворе тополя довоенной посадки. Корни повыворачивали асфальт: вместо дороги заплатки, ямы и вечные лужи. У подъезда лавочка. Раньше там сидели бабки с платочками и семечками. Теперь новые, с модными стрижками и собачками, похожими на крыс. Эти на него даже не взглянули.

Подъездная дверь тяжёлая, дубовая, с медной ручкой, ещё

родная, сороковых годов. Раньше сидел вахтёр, теперь висит домофон, но работает через раз. Рядом на стене висела табличка «Просьба не оставлять детские коляски». Колясок давно не было, табличка осталась. Похоже, самый стойкий из жильцов. Юрий Петрович толкнул дверь плечом и вошёл в прохладный полумрак.

Лифт старая шахта с решёткой гармошкой, деревянные поручни отполированы миллионами ладоней. Лампочка под потолком неровно мигала. Кнопка с цифрой «6» стёрлась почти до дыр: нажал по памяти, на ощупь. Лифт дёрнулся, заскрипел и пополз вверх медленно, с одышкой. Между этажами замирал, будто решал, ехать дальше или плюнуть и остановиться к чертям.

Юрий Петрович привык. Он вообще ко многому привык за эти восемьдесят четыре года: к скрипу в коленях по утрам, к тому, что дети звонят раз в месяц по праздникам, к тому, что друзей почти не осталось, одни фамилии на граните.

Пятый этаж. Шестой.

Квартира встретила запахом пыли и старых книг, то есть запахом умного одиночества.

Три комнаты, высокие потолки, лепнина на карнизах. Когда-то здесь жили большие люди, то ли наркомы, то ли артисты. Потом уплотняли, разменивали, а ему дали в восемьдесят седьмом, когда вернулся из очередной командировки.

Мебель старая, добротная, дубовая. Диван с резными подлокотниками, буфет с посудой, из которой никто не ест, стол

на толстых ножках: за таким можно посадить роту. И танцевать на нём, если припрёт.

Вдоль стен высились стеллажи с книгами, от пола до потолка, сплошной стеной. Кант на немецком, привезённый из Германии в офицерском чемодане в восьмидесятых. Военные мемуары на английском, купленные у лондонских букинистов, когда ездили с женой по туристической путёвке. Омар Хайям на фарси, добытый в Иране при странных обстоятельствах, о которых даже сам Хайям предпочёл бы промолчать. Настоящее богатство, собранное по всему свету. Только читать уже тяжело: глаза устают, буквы прыгают.

На стенах фотографии, чёрно-белые, цветные, выцветшие. Группа молодых лейтенантов из училища, он второй слева, ещё с шевелюрой. Сайгон, шестьдесят пятый, на фоне хижин, с автоматом и улыбкой, которой давно нет. Все молодые, все улыбаются, все живы.

Хотя нет: из всего взвода остался он один.

Юрий Петрович прошёл на кухню, поставил чайник, достал батон. Плита газовая, с чугунными решётками, коптит по-чёрному, но менять не хочет. Привык. На подоконнике герань: поливает раз в неделю, когда вспомнит, что она вообще существует.

И вот тут, опершись на подоконник, он замер. За стеклом, на уровне форточки, что-то было не так.

Висела точка.

Маленькая, с горошину. Пульсировала слабым синим све-

том. Не насекомое, не блик от машин, не фара вертолёта. Просто висела в воздухе, будто так и надо.

Первое, что он подумал: прибор слежения. Второе: наконец-то хоть кто-то за ним следит.

«Оптика сдаёт», сказал он вслух. Протёр глаза и полез в карман за очками.

Очки были старые, ещё с советскими стёклами, в роговой оправе, такие теперь только в кино носят. Он надел их.

Точка осталась на месте. Странно. Значит, оптика ни при чём.

И тут в голове включился голос. Чёткий, безэмоциональный, режущий прямо в мозг, минуя уши. Ни интонаций, ни возраста: просто поток информации, который укладывался в сознании аккуратными фразами, как по линейке. Словно старая опытная жена отдаёт одни и те же приказы в сотый раз.

«Гражданин Земли. Требуется доступ. Откройте форточку. Канал открыт. Время сеанса ограничено: тринадцать минут».

«Ты кто? — спросил он вслух. Голос не дрожал. За тридцать лет службы он научился спрашивать, даже когда внутри всё переворачивалось. — Что за канал? Отвечай».

«Оператор стабилизации. Иномер. Можно называть «Наблюдатель». Идентификатор неважен. Канал — временная петля между точками реальности».

Юрий Петрович не вздрогнул. За тридцать лет в ГРУ он

привык к сюрпризам и к тому, что реальность в любую секунду может затрещать по швам. Только рука сама собой легла на пояс, туда, где раньше висела кобура с «макаровым».

Пусто. Давно пусто.

«Ну допустим, — сказал он спокойно, глядя на точку. Внутри что-то ёкнуло, но голос не дрогнул. — А если я не хочу открывать?»

Пауза. Точка мигнула ярче.

«Вскрытие барьера возможно принудительно. Но регламент требует запроса согласия. Это вежливость».

«Вежливость, — буркнул старик. — Откуда вы такие вежливые?»

Он всё-таки открыл форточку. Не потому, что испугался или поверил, и вовсе не из любопытства. Просто всю жизнь учили: не можешь оценить угрозу, дай ей проявиться.

Синий огонёк скользнул внутрь, повисел над столом, над непочатым батоном, над кружкой с заваркой и замер напротив его лица, на уровне глаз.

«Юрий Петрович Сомов. Тысяча девятьсот сорок первого года рождения. Полковник в отставке. Главное разведывательное управление. Семнадцать спецопераций, девятнадцать, если считать командировки в Анголу и Мозамбик. Три ранения. Две контузии. Четыре языка: немецкий, английский, фарси, пушту. Адаптивность в экстремальных условиях: девяносто четыре процента. Кандидат для миссии».

Досье читалось без запинки: впервые за годы кто-то так внимательно интересовался его биографией. Полковник усмехнулся про себя: остальные шесть процентов адаптивности, видимо, не пережили очередей в поликлиниках.

Потом почесал щетинистую щёку и сказал вслух: «Досье, значит, накопали. Анголу до сих пор держат под грифом, а вы, выходит, знаете. И что дальше?»

«Предложение. Транспортировка объекта в триста девяносто седьмой год до нашей эры. Параллельный вектор пространства-времени. Задача: закладка двух базовых станций для стабилизации канала. Последующее использование: прыжки цивилизации Наблюдателей в другие миры».

Точка замолкла. Чайник на плите закипел и щёлкнул выключателем. Юрий Петрович машинально заварил чай, налил в кружку с облупленным орлом, отцовский подарок, и сел напротив синего огонька.

«В четыреста… какой год? — переспросил он, будто уточнял адрес явки у связника. — Ты, служба, объясни толком. Я старый человек, мне сказки на ночь не нужны. Что за базы? Кому это надо? И почему я?»

«Цивилизация Наблюдателей стабилизирует переходы между мирами. Приоритет данного канала наивысший. Ваши параметры: выживаемость, психологическая устойчивость, адаптивность, языки, опыт работы в тылу врага. Шансы на успех миссии шестьдесят один и четыре десятых процента. Это в пять раз выше среднего земного показателя. Вы

один из оптимальных кандидатов доступной выборки».

«Шестьдесят процентов, — сказал Юрий Петрович, помешивая чай. Ложечка тихо звякала о края кружки. — Да я в Анголе с тридцатью в бой шёл. Считай, почти гарантия. А обратно как? Возвращение предусмотрено?»

«Отправка односторонняя. Станции закладываются для стабилизации и выживания данной цивилизации. Вы первопроходец. Возвращение в вашу временную линию технически возможно, но нецелесообразно: высокие энергозатраты. Срок миссии бессрочный».

Он отхлебнул чай. Тот давно остыл, пока он слушал эту ахинею. Но голова была ясная, точка не исчезала, а голос звучал слишком реально, чтобы быть галлюцинацией.

Значит, либо провокация спецслужб, проверка старика на вшивость, либо правда.

А если правда…?

«Тело у меня, — он постучал по колену, которое артроз мучил уже второй год, — вон, скрипит. Спина, давление, простата, холестерин зашкаливает. Сердце по ночам пошаливает. Какой из меня, к чёрту, первопроходец? Я через дорогу перейду и то задыхаюсь».

«Коррекция биологии предусмотрена. Регенерационный цикл в капсуле восстановления. Возврат к физическому состоянию двадцати пяти лет. Полное обновление клеточной структуры. Процедура болезненная, но результативная».

Старик вдруг представил: двадцать пять лет.

Спина не ноет. Колени не стреляют. Встаёшь утром и не надо полчаса раскачиваться, чтобы разогнуться. Девки на танцах смотрят, как тогда, в шестьдесят втором, когда демобилизовался и ходил в городской парк в хромовых сапогах, с гонором и значком ГТО на груди.

И тут же сам себя оборвал: дурак старый, о чём думаешь? Тебе миссию длиной в жизнь предлагают, а ты о девках.

«Дополнительно: браслет-куратор, — продолжал голос. — Встроенное хранилище в ином пространстве. Вместимость пять тысяч метрических тонн. Наполнение самостоятельное, до старта. Срок генерации капсулы омоложения: немедленно. Транспортировка через девяносто дней. Требуется ваше согласие».

На столе лежал простой металлический браслет. Серый, невзрачный, будто от старых командирских часов «Победа», с крошечным циферблатом, на котором виднелись цифры: 90.

Юрий Петрович протянул руку, повертел в пальцах. Лёгкий, почти невесомый.

«А ну покажи», скомандовал он, надевая браслет на запястье.

Металл приятно холодил кожу, потом нагрелся, будто прирос. Браслет мигнул, и перед глазами возникла голограмма. Склад: огромный пустой ангар, уходящий в бесконечность. Ни стеллажей, ни полок, одно пространство, готовое принять груз. В углу бежала строка: «Свободно: 5000 т. За-

нято: 2 кг. Содержимое: два маяка».

«Ни хрена себе закрома, — присвистнул старик. — Туда что, танк можно засунуть?»

«Можно. Ограничение только по массе. Объём не лимитирован».

Юрий Петрович сидел, крутил браслет на руке, смотрел на терпеливо ждущую синюю точку и думал.

Восемьдесят четыре года. Квартира на Арбате, из которой через пару лет его всё равно вынесут вперёд ногами. Книги, которые никто не прочитает. Петрушка по сорок пять рублей. Дети, которые звонят раз в месяц. И пустота, от которой никуда не деться, сколько ни пей чай из кружки с орлом.

«А там что? — спросил он вдруг, кивнув в сторону форточки, в вечернее небо над Москвой. — В этом вашем тристa девяносто седьмом году до нашей эры. Что за люди, что за звери? Выжить вообще можно?»

«Данные приблизительные. Территория: Восточно-Европейская равнина. Климат умеренный, несколько холоднее современного. Биоценоз переходный, мегафауна частично сохранилась. Из крупных хищников: пещерные львы, саблезубые кошки, медведи, волки. Люди: племена раннего железного века. Языковая группа протоиндоевропейская, родственная германским и славянским. С вашими способностями будете понимать их примерно через месяц контакта. Хронология и фауна параллельного вектора расходятся с вашей линией».

«У вас там свои учебники», хмыкнул Юрий Петрович. Пещерные львы не напугали его: он знал в своё время начальников, которые выглядели страшнее.

«Значит, львы. Ну, с волками мы воевали, с людьми тоже. Львы не проблема, был бы ствол. А ствол, стало быть, не дадите?»

«Оружие на ваше усмотрение. Хранилище позволяет взять любой груз. Но технологии выше определённого уровня могут не работать из-за различий в физических константах. Сложная электроника: скорее нет. Огнестрельное оружие: да, при наличии боеприпасов. Механика проблем не вызовет. Рекомендуется холодное оружие, средства выживания, семена, инструменты».

«Понятно, — кивнул старик, будто ему докладывали обстановку перед заброской в тыл. — Упор на базу, на хозяйство. Климат холоднее, это плохо. Дрова, тёплая одежда, жильё капитальное. А если я откажусь?»

«Вариант возможен: переключение на другого кандидата. Дальнейшее развитие событий у вашей кандидатуры: девяносто восемь процентов, смерть от инфаркта в ближайшие три-четыре года. Варианты просчитаны».

«Сволочь ты», ответил полковник.

Он встал, прошёлся по кухне, поскрипывая старой плиткой. Подошёл к стеллажу, провёл пальцем по корешкам. Клаузевиц, Макиавелли, Суворов. Мемуары Деникина, запрещённые когда-то, а теперь пылящиеся рядом с советскими

уставами.

Взгляд упал на фотографию взвода. Молодые ребята улыбаются в объектив, будто не завтра в бой.

Никого нет. Только он.

«Пиши, — сказал он глухо, оборачиваясь к точке. Голос стал твёрдым, командирским и начал набирать силу, как в старые времена. — Полковник в отставке Сомов. К выполнению особого задания готов. Раз согласия просите, значит, даю».

Синий огонёк ярко вспыхнул, осветив кухню мертвенным голубоватым светом. В углу зашипел и погас старый ламповый телевизор, который Юрий Петрович включал только по праздникам. В кружке с остывшим чаем вода вдруг забурлила и закипела снова, будто её нагрели изнутри.

Возле стола, рядом с холодильником, возникла небольшая выпуклость. Она росла, пульсировала, наливалась матовым светом, и через минуту рядом со столом стояла капсула.

Похожая на гигантское яйцо. Или на саркофаг. Металл переливался, дышал, будто живой.

«Начало регенеративного цикла. Процедура запущена. Рекомендуется немедленный вход. Длительность цикла: двое местных суток».

Юрий Петрович посмотрел на недопитый чай, на батон, так и оставшийся лежать в целлофане, на пульсирующую синюю точку под потолком и на капсулу, которая тихо гудела и приглашала внутрь.

«Была не была», твёрдо произнёс он и полез расстёгивать рубашку. Пуговицы не слушались, пальцы дрожали то ли от волнения, то ли от старости.

«Помру молодым, а не в очереди за петрушкой».

Браслет снял и положил на стол, рядом с батоном: в капсулу с железом лучше не лезть.

Дверца капсулы бесшумно отъехала в сторону. Пахнуло озоном и ещё чем-то сладким, приторным: то ли лекарством, то ли надеждой, то ли молодостью, которую он потерял шестьдесят лет назад.

Старик шагнул в этот запах, в этот свет, в эту неизвестность и подумал на прощание, уже проваливаясь в сон или в беспамятство:

«Хоть бы спину не забыли починить. А то двадцать пять лет, а спина болит, обидно будет».

И девки… девки же смотрят…

Глава 2 Капсула

Очнулся я с лёгкой болью в голове и полным непониманием, где нахожусь. Такое бывало у меня после контузий: не сразу сообразишь, где пол, где потолок и на каком континенте вообще. Обычно через пару минут проходит. А если не проходит, значит, пора на тот свет или надолго в медсанчасть к добрым сёстрам милосердия. Но я вроде пока не собираюсь.

Находился я в жидкости полностью, с головой. Тёплой, густоватой, будто в чаше с парным молоком. Или, если вспомнить гражданку, в ванне, куда жена насыпала соли «для здоровья». Первая жена, Валентина, добрая душа, но пилила, как циркулярная пила. Дышал я почему-то легко, хотя по идее должен был захлебнуться. Видимо, состав был особый: кислород шёл прямо в кровь, минуя лёгкие. Ощущение странное. Лёгкие, кстати, дыхания не требовали, удобно, однако.

Стоило мне попытаться пошевелить рукой, жидкость схлынула, будто её и не было. Створки капсулы раскрылись в стороны, и я вывалился на пол.

Стоял посреди кухни, хватал ртом воздух, будто вытащенный на берег, и тут же зацепился ногой за табуретку. Чуть не растянулся, но в последний момент выровнялся: тело сработало само, по старой памяти.

Стою абсолютно голый.

Первая мысль: хорошо, что шторы задёрнуты и соседка из дома напротив, тётя Зоя из шестьдесят четвёртой, не наблюдает в бинокль. Ей за девяносто, а любопытства лет на пятьсот. В прошлом году она вызвала участкового, потому что я вынес мусор не в тот бак. Участковый извинился, а тётя Зоя потом месяц со мной не здоровалась. Если бы не шторы, она составила бы акт с занесением в личное дело. И он начинался бы словами «Голый, но живой».

Вторая мысль: какой холодный пол. Плитка старая, советская, в мелких трещинках, я прошёл по ней тысячу раз босиком, в тапках, в сапогах, после командировок. Но сейчас она показалась ледяной, будто я стоял не на кухне, а на морозе. Холод шёл снизу, сквозь все перекрытия, от самой земли.

Посмотрел на руку. Рука моя и всё же чужая. Пигментные пятна никуда не делись: вот это коричневое, на тыльной стороне ладони, очень похожее на карту Австралии, появилось лет пять назад. Я тогда шутил: хоть Австралию увидел. Вены вздутые, синие, извилистые. Пальцы узловатые, артрит скрутил суставы, особенно указательный на правой руке, тот самый, которым я нажимал на спуск много больше, чем сотни тысяч раз.

Тут до меня дошло. Выругался я вслух: «Твою ж дивизию налево через колено. Обманули, сволочи инопланетные».

А ведь так захотелось поверить. Мечта сладкая, дурная, застилает глаза похуже афганского дурмана. Я же опытный

волк, меня на такой ерунде не проведёшь. И вот обвели вокруг пальца, как сопливого пацана. Дожил до седин, а наивность так и осталась где-то внутри, под толстой коркой цинизма. Смешно, если честно, и немного грустно.

Так я думал ровно до тех пор, пока не сделал несколько шагов.

Прошёл в сторону прихожей, где висит зеркало, и понял: иду очень легко. Боль в голове утихла по дороге.

Раньше утро начиналось с ритуала: открыл глаза, подождал минуту, осторожно сел, собрался с духом, и только потом, если спина позволит, поднялся. А тут я просто пошёл.

Шаг, второй, третий, легко и непринуждённо, словно в молодости, когда после зарядки бежал в умывальник и казалось, что мир создан для того, чтобы я его покорил. Хотелось петь или сплясать, будто снова шестьдесят второй, когда я вернулся со срочки и мы с парнями во дворе жарили шашлык, а девчонки смотрели на нас, дембелей, огромными глазищами.

Стоп, спокойно, полковник. Замер посреди коридора, прислушался к себе. Ощущения были странные.

Сердце билось ровно, без сбоев, как метроном. Обычно оно по ночам шалило, особенно после тяжёлого ужина. Врач говорил: «Аритмия, Юрий Петрович, поберегите себя». Я и берёг, насколько мог. Спина не ныла: та вечная боль в пояснице, привезённая ещё из Афгана, когда мы таскали на себе по горам всё от боеприпасов до раненых, ушла, будто её и

не было. Двадцать лет мы жили в режиме двух фронтов, и вдруг мир. Суставы не скрипели: я специально согнул одну ногу, потом другую, тишина, словно в них залили новое масло. Дышалось глубоко и чисто: лёгкие, которые я прокуривал тридцать пять лет, пока не бросил в двухтысячном, работали, будто их заменили. Ни хрипов, ни свиста, ни этой ноющей тяжести в груди.

Но главное, голова. Ясность мышления вернулась такая, какой не бывало десятилетиями. Мысли не вязли и не ускользали. Я вспомнил, куда позавчера дел запасные ключи от подсобки, хотя позавчера ещё не мог вспомнить, где оставил очки. Вспомнил номер сослуживца, который умер пятнадцать лет назад. Вспомнил немецкие глаголы из разведшколы и коды доступа к спецсвязи, которым давно полвека. И зрение стало снайперским: я видел каждую пылинку на комоде, каждую царапинку на полировке, каждый цветочек на обоях, которые клеил ещё при Горбачёве.

Обои, кстати, были дурацкие, коричневые. Вторая жена, Людмила, сказала тогда: «Практичные, Юра, немаркие». Немаркие, это да. Только смотреть тошно. Но рука не поднималась переклеить, да и силы уже были не те.

Подошёл к зеркалу в тяжёлой раме, оставшемуся от прежних хозяев. Говорят, жил тут после войны нарком. Или маршал. Теперь и не проверить. Из зеркала на меня смотрел я.

Старпёр. Морда привычная, почти родная. Мешки под глазами, кажется, чуть меньше? Или показалось. Щетина се-

дая, на висках залысины, нос картошкой: куда от этого рязанского носа денешься. Оскалил зубы. Они были белее, чем позавчера, и десны не кровоточили, когда я провёл по ним языком. Только взгляд был другой.

Не выцветший, старческий, с поволокой, а холодный, внимательный, оценивающий. Таким я когда-то просвечивал связников, вычислял наружку в людных местах и смотрел в прицел перед выстрелом.

«Ни хрена себе», сказал я своему отражению. Оно усмехнулось. Или это я усмехнулся, не разобрать.

Тишина стояла такая, что слышно было тиканье часов у соседей за стенкой.

Капсула, стоявшая посреди кухни, вдруг замерцала. Она сжалась, будто её схлопнули гигантской ладонью, и превратилась в точку. Синюю, пульсирующую, такую же, что висела за окном то ли вчера, то ли не вчера. Сколько вообще прошло времени? Точка повисела несколько секунд над столом и недопитым чаем. Потом мигнула напоследок и втянулась в браслет. Остался запах озона.

На столе, будто ничего не произошло, лежал всё тот же браслет, снятый мной перед входом в капсулу.

Кружка отцовская. Отец, царствие ему небесное, воевал в Первую мировую, потом примкнул к красным, потом опять против них. Тёмная история, я в ней особо не копался. Кружка осталась. Тяжёлая, фаянсовая, позолота давно облезла. Пьём чай с ней на пару уже лет шестьдесят.

Я взял браслет, повертел между пальцами, надел на левое запястье. Он сомкнулся сам. Похоже на наручники, только добровольные.

И тут же в голове включился голос. Тот самый, безэмоциональный, прямо в мозг, без интонаций и без возраста.

«Текущий статус: активен. Кибердок свёрнут в пространственное хранилище. Время до старта объекта: восемьдесят восемь суток, три часа, пятнадцать минут. Готовность к работе полная».

Восемьдесят восемь. Получается, двое суток я пробыл в капсуле.

«Здравия желаю, — сказал я в пространство, не найдя от неожиданности других слов. — А как же поговорить?»

«Канал связи открыт. Задавайте вопросы».

Слова «обманули, сволочи» пришлось взять назад. Обманщики не докладывают о готовности, будто перед стартом ракеты. Значит, миссия реальна. И не только в моей голове.

Странное чувство, когда в твоей голове кто-то есть, а с ума ты при этом не сходишь. Наоборот, мысли работают чётко, как хорошо смазанный механизм ТТ.

«Значит так, сначала служба, приятель, — сказал я вслух, чтобы голосом проверить реальность происходящего. — Где точка высадки?»

Пауза. Голос мигнул: я почувствовал короткий разряд статики.

«Определить невозможно. Координаты переброски вы-

числяются в момент перехода, в зависимости от расположения магнитных полей Земли в целевом пункте назначения».

«А по-русски можно? — Я налил себе воды из графина. Рука не дрожала, неожиданно и приятно. — Куда я попаду? В лес? В пустыню? В море?»

«Место высадки будет определено в момент переноса. Спрогнозировать невозможно. Вероятность попадания в водную среду десять процентов. В тропический климат двадцать, в арктические льды двадцать, на твёрдую поверхность с умеренным климатом пятьдесят».

«Здрасьте», я аж поперхнулся. Приплыли, называется, в прямом смысле: десять процентов в воду и двадцать во льды.

Прошёлся по кухне из угла в угол, поскрипывая плиткой. Плитка до моего заселения клалась, местами отошла и скрипит так, что соседи снизу стучат по батареям. Я им стучу в ответ: такой интересный диалог сложился у нас за эти годы.

Десять процентов это много. Каждый десятый шанс оказаться в воде без подготовки. А если океан, болото, река, крокодилы? Льды двадцать процентов тоже не радовали, да и «твёрдая поверхность» звучала двусмысленно: скала посреди океана тоже твёрдая. А тропики: другой континент, джунгли Амазонки, Южный Китай, Индия?

«Так, дружок, — сказал я. — Вероятность попасть на евразийский континент?»

Браслет, немного подумав, ответил: «Девяносто пять процентов».

Уже легче. Надо было требовать контракт заранее и уточнить все детали до своего согласия, — проворчал я.

«А базы? Ты про две базы говорил. Где их закладывать?»

«Место закладки первой базы определяется после переноса. Второй базы: после стабилизации первой и активации маяка. Координаты неизвестны, зависимость от магнитного поля Земли».

«Красота, — почесал я затылок. — Полная неопределённость. Люблю, когда всё ясно, как в разведке перед экстренной заброской. Ни карт, ни явок, а связной где-то в пятидесяти километрах, в кишлаке за перевалом. Работай, Сомов!»

Сразу вспомнился Федот-стрелец, которому велели добыть то, чего не может быть. Как раз мой случай.

Присел на табуретку, налил из чайника воды в кружку. Чай внуки подарили на двадцать третье февраля. Я его не особо любил, но пил, потому что подарок. Отхлебнул и задумался.

Восемьдесят восемь дней. Почти три месяца. За это время надо разобраться, надо найти деньги, достать оружие, снаряжение, семена, инструменты и так далее. Список можно писать бесконечно. И при этом не засветиться перед соседями, перед детьми, перед спецслужбами, которые наверняка приглядывают за старым полковником ГРУ. Формально я на пенсии, но списывают нас только после траурного марша и воинского салюта. Особенно после отказа в две тысячи восьмом давать показания по одному делу, старому, ещё афган-

скому. Сослуживцы тогда обиделись, но сделать ничего не смогли.

Перейдём к личному.

«Помощник, вопрос по внешности, — обратился я к браслету. — Что с телом? Омоложение обещали, а я пока сам на себя похож. Лысина, мешки, морщины. Где обещанные двадцать пять лет?»

«Процесс омоложения запущен, — отчеканил голос. — Полный выход на биологический возраст двадцать пять лет произойдёт через шестьдесят девять дней, семь часов, две минуты. Процесс сопровождается болевыми ощущениями, которые могут быть частично сняты по запросу. Первоочередное омоложение: внутренние органы и суставы. Сохранение текущей внешности: сорок пять дней».

«То есть первые полтора месяца я буду выглядеть стариком, а внутри уже буду молодым?»

«Частично корректно. Омоложение будет происходить волнообразно: выход на двадцать пять лет за одну процедуру опасен для объекта. Между волнами возможен регресс состояния на десять-двенадцать процентов. Обновления происходят каждые два-четыре дня».

«А лысина? — спросил я с надеждой. — Волосы вернутся?»

Пауза. Какая-то слишком долгая.

«Вероятность восстановления волосяного покрова семьдесят восемь процентов. Генетические факторы…»

«Ладно, молчи, — перебил я. — Понял. С лысиной будет видно. Главное, чтобы спина не болела и чтобы суставы починили: без суставов-то не воин, а так, жалкое зрелище».

А морщины можно и потерпеть. Сорок пять дней, подумал я. Ровно столько я ещё сойду за пенсионера. Запомнить.

А вот с бумагами беда. Пенсионное удостоверение, паспорт, медицинская карта: везде одна дата рождения. Если через два месяца я буду выглядеть на двадцать пять, а по документам мне восемьдесят четыре, это полный абзац. Участковый придёт выяснять, почему пенсионер Сомов жив, здоров и помолодел. Дети с внуками приедут навестить, соседи за солью зайдут.

Хотя дети… Дочь Лена в Израиле, видимся раз в пять лет. Сын в Питере, звонит по праздникам. Внукам, кроме Сашки, вообще плевать. Может, и не заметят, если эти три месяца не светиться.

«Засада, — сказал я вслух. — Ладно, потом разберёмся. Не в первый раз выкручиваться».

Достал из-под стола старый рюкзак, афганский «кенгуру», с потёртыми лямками и нашивкой, которую давно пора закрасить. Эмблема воздушно-десантных войск. Которая абсолютно диссонировала с моим разведывательным прошлым. Мы больше ножками, иногда на четырёх в составе караванов, повезёт, так на колёсах, и очень редко на том, что летает. Рюкзак был потёртый, местами прожжённый, но крепкий: брезент, хорошая фурнитура, ещё советская, тогда

делали на совесть.

Кенгуру лежал под столом двадцать лет и всё ещё ждал приказа. Я, внутренне усмехнувшись, пожал ему лямку. «Похоже, твоя служба продолжается, приятель».

Поставил на стол, погладил брезент. Сколько раз выручал: в Афгане, в Анголе, в Мозамбике. Везде, где надо было таскать на себе взрывчатку, патроны, сухпай. Пригодится и здесь. Рюкзак пойдёт первым номером. Его явно будет недостаточно. Остальное лучше разложить по полочкам. Я начал мысленно составлять список.

Первое, деньги. Моя военная пенсия пятьдесят две тысячи семьдесят рублей. На снаряжение не хватит, на хлеб с маслом едва. Скопить удалось полтора миллиона, но это смех по сравнению с тем, что предстоит. В хранилище пять тысяч тонн места, а лежат там только кибердок и два маяка. Как карман через неделю после получки. Надо грузить.

Где взять средства? Квартира есть: трёшка на Арбате, сто двадцать метров, высокие потолки, лепнина, место золотое. Если продать, миллионов пятьдесят, наверное, а то и больше. Но тогда детям и внукам наследства не останется. Хотя с другой стороны: наследство это когда дед помер, а я живее всех живых.

А нужно ли оно моим детям? Дочь в Израиле, у неё своя жизнь, муж, работа, заботы, которые накладывает мультикультурное общество. Сын в Питере, тоже не бедствует, у него налаженный бизнес. Внукам вообще до лампочки: у них

тиктоки в глазах. Приедут, когда я уже в другом времени корнями прорастать буду.

«Значит, продавать, — решил я. — Или закладывать. Но быстро, тихо, без лишних вопросов и шума, чтобы ни налоговая, ни родная служба не встревожились».

Второе, схрон. Был у меня один должок перед самим собой.

В семьдесят четвёртом, на Колыме… Нет, стоп. Надо разобраться с датами. В семьдесят четвёртом я уже в Анголе был, значит, это был семьдесят второй. Да, точно, семьдесят второй, я тогда ещё капитаном ходил.

В семьдесят втором на Колыме бежала группа опасных зэков: уголовники, мокрушники, отморозки. Мы ловили их по сопкам, вымораживали из тайги. Нас, военных, привлекли для усиления, дело обычное: местные менты не справлялись и попросили помощи у командования. Набегались так, что я до сих пор, когда холодает, спиной чувствую тот колымский ветер. Минус сорок, ветер пронизывает до костей, снег по глазам. Красота.

В одной из перестрелок завалили троих, а четвёртый, раненный в живот, перед смертью разговорился. Ну, как разговорился? Не без нашей помощи, конечно. Рассказал про золото. Подрезали они вольных старателей, человек пять, всех положили, а золотишко прибрали к рукам. Спрятали в тайге, в семидесяти километрах от города, возле приметной скалы, которую местные называют «Чёртов палец». Хотели от-

сидеться, а потом уйти, но не вышло.

Я тогда не доложил начальству. Сам не знаю почему. То ли потому, что золото ушло бы в неизвестность: начальство изъяло бы его, а куда бы оно потом делось, вопрос. То ли просто из вредности: нам уже тогда сообщили, что квартальную премию нам зарезали. То ли не хотелось морозить пятую точку, свою и парней из группы: по холодам мы и так набегались, а с операми и следователями к «Чёртову пальцу» пришлось бы идти однозначно.

Следователи, которые были к нам прикомандированы, ничего не нашли. Заключённый умер, не приходя в сознание, а мы улетели. Координаты остались у меня в голове. Я их никогда не записывал, но помнил. Такая уж память: лишнее забываю, нужное помню годами, а очень важное десятилетиями. Позывные, коды, явки, координаты, как таблица умножения, въелись намертво. Только последние лет пять память начала подводить.

«Съездить, что ли? — пробормотал я, глядя в стену. — Восемьдесят четыре года, а туда же, за золотом. Но придётся. Сколько там золота, не знаю: допрашиваемый был плох, сообщить не успел. Сюрприз будет».

Съездил бы туда ещё раз ради тех «тёплых воспоминаний». Хорошо, что зима уже закончилась.

Третье, оружие. Под Минском у меня есть схрон, ещё с шестьдесят первого, когда добивали крупную банду. Хороший, законсервированный, в сухом месте, в бетонном колод-

це бывшего хутора. Там автоматы, патроны, гранаты: то, что банда взяла на двух трофейных складах и на одном при воинской части. Мелочёвка, конечно, но для дикого мира, где пещерные львы и саблезубые кошки, сгодится. Главное, чтоб не рассыпалось за столько лет. Надо проверять: вдруг патроны отсырели, смазка высохла. Надеюсь, мышам хватило ума всё это добро не растаскивать. Да и найти могли. Сколько лет прошло.

«Помощник, — спросил я у браслета. — Если я положу в хранилище сруб дома, то получу его обратно в собранном виде или по брёвнышкам?»

«Извлечение крупных объектов возможно в течение пятнадцати-тридцати минут. Объект извлекается в том же состоянии и конфигурации, в какой был помещён. Рекомендуется помещать предметы в собранном или готовом к использованию виде».

«Понятно, — кивнул я. — Значит, надо брать готовое здесь. Строить на месте не из чего, и, боюсь, будет некогда».

Задумался. Список обрастал, как корабль ракушками: каждый пункт тянул за собой ещё два.

Семена: пшеница, рожь, овёс, ячмень, гречка, кукуруза, картошка, морковка, свёкла, капуста, лук, подсолнечник, чеснок, виноград морозоустойчивый, потому как без вина нам совсем никуда. Пригодится и в качестве обменного фонда с местным населением. Лекарственные травы: ромашка, зверобой, тысячелистник, подорожник, мята. Лён и конопля

на одежду и верёвки. Купить можно в аптеке, в специализированных магазинах или у бабок на рынке. Бабки в этом деле точно знают толк.

Инструменты: топоры, от маленького до большого колуна. Пилы, ручные и двуручные, ножовки. Лопаты, штыковые, совковые, складные. Гвозди, ящик. Нет, пожалуй, пару тонн. Саморезы разных размеров, молотки, кирки, ломы. Кувалда обязательно: без кувалды в хозяйстве никак. Верёвки, тросы, цепи, карабины. Чёрт! Сколько же всего!

Книги: по агрономии, строительству, медицине, металлургии, охоте, рыболовству, ботанике, зоологии, истории, химии. Химия наше всё, это я вам как подрывник говорю, со стажем. Справочники, атласы, карты. Карты того времени всё равно не совпадут, но принципы ориентирования те же. Атлас звёздного неба пригодится для навигации. Справочник растений и животных, чтобы знать, что съедобно, а что нет.

Медицина: аптечка, антибиотики, обезболивающие, бинты, вата, жгуты, шины, хирургические инструменты, то есть скальпели, зажимы, иглы, шёлк. Я не хирург, но раны зашивать умею, учили в своё время. Да и простую операцию сделать могу: всякую дрянь из своих бойцов приходилось вытаскивать в полевых условиях. А пуля дура: не разбирает, где тебе удобнее операцию делать, норовит то в грудь, то в живот.

Одежда: термобельё, свитера, штаны, куртки, плащи, са-

поги, много сапог, резиновых и кожаных. Шапки, перчатки, шарфы. Палатки, спальники, коврики, котелки, кружки, ложки. Ножи, много, хороших, разных: охотничьих, хозяйственных, метательных. Для обмена наделать заготовок: ножей, наконечников для копий и стрел. Выбирать буду с особой тщательностью, потому что в холодном оружии разбираюсь. К тому же, возможно, их воткнут мне потом в бок, а умирать от обсидиана, который ещё и обламывается в ране, обидно. Что-то потянуло меня на армейский юмор.

Быт: соль мешком, сахар мешком, крупы мешками. Спички ящиками, зажигалки блоками, свечи коробками. Мыло, шампунь, стиральный порошок запасом на годы. Ткани и красители для обмена. Бижутерия: с украшениями в то время напряжённо, потому что женщины во все времена любят блестящее, а я во все времена не умею им отказывать. О женщины! Косметика, парфюмерия. Нужно подумать.

И отдельно книги по военному делу и тактике. Клаузевиц, Суворов, Макиавелли, мемуары разведчиков, уставы Советской армии. Вдруг пригодится не только воевать, но и учить местных. Если там племена и ранний железный век, то с моим опытом можно не просто выжить, а, не знаю, государство построить. Обязательно прихватить книги по математике и физике.

Глянул на стеллаж: Брокгауз, мемуары, справочники. Всё придётся брать с собой. Хорошо, что в хранилище практически безлимит по объёму.

Техника, в первую очередь военная и высокопроходимая: «Уралы», «КамАЗы» в разной комплектации. Строительная и сельскохозяйственная: пшеницу и картошку не руками же собирать. Что-то я разошёлся: где на всё это взять средства? Нет, всё же будем делать по порядку. Сначала постановка стратегических задач, затем определение тактических действий, а дальше поиск ресурсов для выполнения всего этого безобразия. Как сам делал и других учил, так и будем действовать.

Поехали дальше. Из болота и льдов выбираться надо. Насколько помню, в семьдесят втором на ЗИЛе завершили шнекороторный снегоболотоход ЗИЛ-4904 для поисково-спасательных служб. А в семидесятых и восьмидесятых тема самодельных снегоболотоходов на шинах сверхнизкого давления стала по-настоящему массовой. «Моделист-конструктор» публиковал фотографии и чертежи самоделок из подручных материалов, в ход шли камеры от тракторов и сельхозтехники. Движение охватило весь Советский Союз, проводили даже всесоюзные слёты таких машин. Надо проверить нынешнее положение дел. Наверняка народное творчество шагнуло вперёд.

Стоп. А горючку где взять для всех моих хотелок? Вся эта техника жрёт чудовищно много дизеля и бензина. Даже если забить хранилище соляркой, хватит лет на шесть-восемь, а потом всё железо пойдёт на мечи и копья: назад к истокам. Нефть самому добывать и перегонять? Искать выходы

нефти на поверхность? Что-то было в этом плане, вертится в голове. Точно, спирт! Решение настолько русское, что даже немного смешно. Хотя теперь спирт называют немного по-другому, более модно. Биотопливо. Современную технику вроде бы выпускают со спиртостойкими прокладками и шлангами, а в военную ещё в СССР закладывали возможность работы на альтернативных видах топлива. Нужно проверить. Куб и перегонную колонну для спирта точно вносить в список необходимого. В нормальной ситуации это называется самогонным аппаратом, а у нас ценное оборудование для выживания.

«Хорошо бы язык местный знать, — сказал я в пространство. — Помощник, а что насчёт языка? Вроде говорил, через месяц контакта начну понимать. Это так?»

«Встроенный лингвистический модуль, — ответил голос. — Автоматический анализ речи, выявление паттернов, синтез ответа. Через тридцать-сорок дней активного контакта понимание достигнет семидесяти процентов. Через шестьдесят свободное владение».

«Паттерны, — хмыкнул я. — Слово-то какое дурацкое. Раньше говорили: прислушайся к речи, поймёшь мелодию языка и его родство с другими языками одной группы. А теперь паттерны».

На часах пробило десять вечера. Старые часы «Янтарь», с боем, висели в гостиной: огромные, с маятником и гирями. Обязательно забрать с собой.

За окном темнота и огни. Обычный вечер, обычная жизнь, которая через три месяца кончится навсегда, а на смену ей придёт неизвестность, которую очень тяжело уложить в голове.

Я посмотрел на свои руки: старые, узловатые, в пигментных пятнах. Австралия всё ещё на месте. Материки вообще терпеливые и живучие. Согнул руку в локте, слегка напряг бицепс. Под дряблой кожей что-то шевельнулось, налилось силой. Молодость внутри уже работала понемногу, чинила, восстанавливала. Во всяком случае, в это очень хотелось верить.

Вдруг вспомнил: внук Сашка учил меня работать на компьютере. Подарил старенький ноутбук, говорит: «Дед, осваивай, в твоём возрасте мозги ещё работают». Тогда я ничего не понял: иконки, мышка, клава, интернет звучали для меня как тёмный лес.

А теперь? Подошёл к столу, где Саша оставил ноутбук. Старенький «Леново», клавиатура потёртая, батарея дохлая, работает только от розетки. Нажал кнопку, экран засветился, полезли какие-то обновления, и я терпеливо ждал.

И неожиданно понял, что смотрю на курсор и мне ясно, куда нажимать и куда его двигать. Вспомнил уроки внука: поисковик, запрос.

«Ни хрена себе», сказал я пустой комнате. Но ответил мне браслет.

«Когнитивные функции восстановлены до уровня двадца-

ти пяти лет. Память, скорость обработки информации, обучаемость соответствуют этому возрасту».

«Ладно, завтра начнём. Сегодня уже поздновато, да и устал я, если честно».

Но сон не шёл. Я сидел на кухне, пил остывший чай, смотрел на браслет и думал.

Три месяца. Всего три месяца, чтобы подготовиться к вечности. Или к смерти, судьба решит.

Прошёлся по комнате, подошёл к старой фотографии в рамке: Яша с мальчиком лет десяти на плечах. Мальчишка вырос, стал крепким молодым парнем по имени Сэм. А Яша, мой боевой товарищ, давно в земле в Израиле.

Достал из шкафа старую походную тетрадь. Сел за стол, открыл на чистой странице. Ручка была старая, «Паркер», подарок начальника разведки за успешно проведённую операцию. Пишет до сих пор, хотя чернила приходится постоянно заправлять.

Начал записывать список. Крупными буквами, когда-то так писал рапорты:

Деньги. Продать квартиру.

Колыма. Золото.

Белоруссия. Оружие.

Инструмент. Топоры, пилы, гвозди, лопаты. Подумать про Китай: там всё это гораздо дешевле.

Семена. Всё подряд.

Книги. Справочники.

Техника.

Израиль. Большой хаб торговли оружием. Дешёвого оружия там, конечно, не найдёшь. Зато найдёшь дорогое, легальное и качественное. И люди, которые умеют договариваться обо всём на свете. Сэм, насколько помню, теперь работает в военизированной охранной организации «Голан Групп». Думаю, поможет с этим.

Пакистан. Крайне дешёвые боеприпасы.

Напротив двух последних пунктов поставил знаки вопроса.

На этом всё на сегодня. Спать.

Глава 3 Хлопоты Московские

Ночью пришла она. Боль. Не та, привычная, ноющая, тянущая жилы, с которой я прожил последние лет двадцать, как с женой: поворчит, поноет, но своя. Эта явилась без звонка, как нежданная родня, и с порога начала всё переставлять. Будто меня разобрали на запчасти, каждую косточку прокипятили в кислоте и собрали обратно, перепутав местами.

Тело выгнуло дугой. Суставы трещали, всё жгло. Заорать я не мог, только хрипел в подушку и разевал рот, как рыба на льду. Сквозь красную пелену пробилась одна мысль: «Браслет, твою мать, где помощь?»

Браслет не ответил. У них там, видимо, обеденный перерыв, а мой вопль в график не вписался. Зато следом накатило облегчение. Боль стихла, оставив тёплую мягкую пустоту, и я провалился в сон, какого у меня не было, наверное, с училища.

Проснулся поздно, часы показывали половину одиннадцатого. Сел на кровати, свесил ноги и прислушался к телу, как прислушиваются к двигателю после капремонта. Ни скрипа. Ни боли. Встал легко, пружинисто. Вчерашняя лёгкость оказалась не разовой акцией: организм, похоже, подписал со мной контракт на здоровье. Осталось только прочитать мелкий шрифт, во избежание подвоха.

Присел пару раз, помахал руками. Ни хруста, ни скрипа.

Десять лет колени сопровождали каждое моё движение, как несмазанная дверь, а сейчас в квартире стало так тихо, что я кашлянул в кулак, проверяя, не оглох ли. Я присел ещё раз, потом ещё, на десятом остановился: когда ничего не болит, это слишком подозрительно. Согнул одно колено, потом другое, потом на всякий случай первое ещё раз. Работают обе. Страшно, и до чёртиков интересно.

До ванной я дошёл без единой остановки. Десять лет у косяка был мой привал, а сегодня я прошёл мимо и даже не поздоровался.

План на сегодня такой: МФЦ, загранпаспорт. Без него что Израиль, что Китай мимо. И желательно продвинуться с продажей квартиры. До старта, как напоминал браслет, оставалось восемьдесят семь суток, и тратить их на очереди совсем не хотелось.

В трюмо я глянул на себя мимоходом. Морда лица прежняя, старпер старпером. Нос картошкой остался на месте, его, видимо, в договор не включили. Мешки под глазами слегка подтянулись, как после ремонта фасада. Зато глаза. Глаза были другие: ясные, живые, с хитринкой и бесшабашностью, как в молодости. Омолодились пока одни глаза, остальное придёт в рассрочку и с доставкой попозже.

Я сказал отражению: «Здравствуй, полковник. Погнали!»

Одеваться я с детства не любил. В армии проще: получил форму, надел, обмял, красавец, и лишние мысли в голову не лезут. А на гражданке каждое утро изволь решать, что на

себя надеть и как это выглядит со стороны.

Шкаф открыл оперативно, чтобы побыстрее закончить с этим ритуалом. Выбор пал на белую рубашку с длинным рукавом. Помятую. Утюг достал из кладовки, ещё советский, тяжёлый, таким гвозди забивать можно, и утюгу ничего не будет. Погладил криво, но для МФЦ сойдёт. На левом манжете пятно от чая: подверну, никто не заметит. В МФЦ это сойдёт за деловой стиль.

Брюки шерстяные, с кантом. Когда получал, думал, пригодятся на выход в город или в отпуске форсить. Не пригодились, так и висят.

Обувь: старые офицерские сапоги. Под штанинами их не видно, зато шаг в них невольно становится строевым.

Документы: паспорт, пенсионное, ветеранское. Деньги: тысяча рублей мелкими и карта «Мир» с пенсией.

В зеркало глянул ещё раз. Вроде ничего, старичок-пенсионер. Глаза только выдают. Но что глаза? В МФЦ всем на них плевать.

Лифт всё тот же, старый, и стоит чаще, чем ездит. Сегодня, на моё счастье, поехал.

Из подъезда вышел под яркое солнце, и перед глазами заплясали солнечные зайчики. На лавочке сидели местные «бабки». Слово беру в кавычки, потому что бабками их можно назвать только с большой натяжкой.

Три дамы. Всем за шестьдесят, выглядят «дай бог каждой». Стрижки модные, крашеные, одежда спортивная, но

дорогая. На одной костюм «Gucci», такой я видел в журнале, пока сидел в очереди к врачу. На второй кроссовки «Nike» с разноцветными шнурками. На третьей куртка «Balenciaga», мешковатая, будто с чужого плеча, но, говорят, сейчас так модно.

Рядом с лавочкой три собачки, мелкие, похожие на крыс. Ассоциация стойкая, ничего с собой не поделаю. Одна белая, пушистая, как варежка, бишон фризе, как потом выяснилось. Вторая лысая, вся в складках, китайская хохлатая. Третья вообще непонятной породы: помесь таксы с болонкой или результат любви карликового пинчера с пылесосом.

Собачки меня заметили и залились лаем. Тонко, противно, как комары. Помесь таксы с болонкой старалась больше всех: то лаяла, то срывалась на визг. Судя по доносившимся от неё звукам, делала это сразу на двух языках.

Хозяйка лысого закричала: «Фу, Цезарь, фу! Нельзя на людей лаять!»

Цезарь! У меня в Анголе был позывной «Цезарь». За то, что три раза выходил из окружения и выводил людей без потерь. А тут лысая крыса с писклявым голосом. Я даже слегка обиделся.

Я кивнул и бросил на ходу: «Здрасьте».

Дама в «Gucci» встрепенулась: «Ой, Юрий Петрович! А вы куда с утра пораньше?»

Надо же, по имени-отчеству. Раньше я для них был частью подъезда, вроде почтовых ящиков. Я остановился. Раз

уж заговорили, продолжим.

Я сказал: «По делам». И тут сообразил, что местное собрание знает всё и обо всех, а значит, должно знать и риелторов. Завёл разговор: «Квартиру собираюсь продавать. Риелтора ищу порядочного, не хапугу».

Бабки переглянулись и зашевелились. Глаза загорелись: новая тема для сплетен.

Хозяйка Цезаря прижала пса к груди: «Риелтора? Ой, есть у нас один! Коленька, работает как раз в нашем районе. Чудный мальчик! Нам с дочкой квартиру помогал покупать».

Дама в «Gucci» подхватила: «Мы через него в этом доме и поселились. Очень ответственный и внимательный молодой человек!»

Третья, с собакой-непоняткой, добавила: «И берёт недорого. Мы его всем знакомым рекомендуем».

Говорили они наперебой, но слаженно, как Совет безопасности: одна предлагала, вторая уточняла, третья накладывала вето. Потом зашумели, полезли в сумочки. Дама в «Gucci» достала кожаную визитницу с тиснением и вытащила карточку: «Вот, берите. Николай Александрович, элитная недвижимость. Скажете, что от Ларисы Анатольевны, он сразу подъедет».

Визитка плотная, с тиснением, почему-то пахнет духами. «Николай Александрович. Индивидуальный подход». Телефон, сайт, QR-код. Я заверил дам, что обязательно позвоню.

Хозяйка Цезаря замахала руками: «Только не тяните!

Квартиры сейчас уходят быстро, особенно сталинки. Но хорошего агента днём с огнём не сыщешь! А вы после продажи куда переезжать думаете? К дочке в Израиль, наверное?»

Я прищурился. Откуда они знают про дочь? Во мне сразу проснулся старый разведчик. Хотя чему удивляться: информация в нашем дворе перемещается быстрее, чем в любом штабе, где мне довелось служить, и с куда меньшим количеством грифов секретности. А куда ещё отправиться пожилому человеку с кучей болячек после продажи единственного жилья? К дочке, к израильской медицине.

Я сказал с серьёзным лицом: «В монастырь. На Афон. Старые грехи замаливать, о вечном думать».

Грехи у меня такие, что одним монастырём не обойтись, но это уже детали.

Дамы ахнули в один голос, как по команде. Репетировали, что ли? Рты открыли, даже собаки умолкли вместе с хозяйками. Проявились забавные выражения на их заштукатуренных лицах.

Дама в «Gucci» изумилась: «В монастырь? В вашем-то возрасте?»

Я возвёл глаза к небу. «Самое время», — сказал я. «Пока ноги ходят, надо успеть спасти душу».

«А квартира?» прошептала хозяйка Цезаря.

«Если быстро не продам, отойдёт монастырю. Вместе с пенсионными накоплениями. Я уже договорился».

Внутренне я ещё раз прокрутил в голове слово «Афон»

и понял: скоро весь Арбат начнёт подбирать мне келью. Лариса Анатольевна, судя по глазам, мысленно оформляла мне схиму и страховой полис. Дамы сидели молча и переваривали услышанное. Я кивнул, попрощался и пошёл к МФЦ. В спину неслось взволнованное шептание: «В монастырь… в его-то годы… а квартира-то, сто двадцать метров в центре… монастырю!»

Интересно, как быстро они поверили. Видимо, я и правда похож на человека с грехами. Главное, что от Израиля отвлеклись. А телефончик Коли пригодится. И очень скоро.

К МФЦ подошёл ближе к обеду. Стеклянная коробка, внутри очередь. Мой талончик 248, на табло 187. Посидел минуту на пластиковом стуле, прикинул скорость и понял: до вечера не решу, тут всё идёт очень уж неспешно.

В окне справок сидела девушка с лицом усталой овцы и бегающими глазами. В советское время таких звали «секретарша-дура». Теперь это «специалист по работе с населением».

Я сказал как можно вежливее, что мне бы начальника увидеть. Девушка протараторила, не глядя на меня: «Начальника нет, приём по записи, запишитесь через сайт».

Потом спросила дежурно: «Вы по какому вопросу?»

«Загранпаспорт хотел бы получить срочно».

«Срок выдачи заграничного паспорта составляет тридцать дней», выдала она таким тоном, будто сама отбывала эти дни в КПЗ на исправительных работах.

Скороговорка у неё была отшлифована годами: с такой дикцией не в МФЦ сидеть, а в дикторах.

Я изобразил самую приветливую улыбку из своего арсенала и спросил, нельзя ли по-человечески. Мол, человек я пожилой, с сайтами не дружу (после вчерашнего вечера с ноутбуком это неправда, но старику положено), а с живым человеком мне разговаривать проще, привычка.

Девушка вздохнула так, будто я заставил её таскать кирпичи на пятый этаж стройки. Вздохи этого сорта я коллекционировал десятилетиями, на всех континентах.

«Запишитесь через терминал. Третий этаж, кабинет триста пятнадцать, но приём только по средам», выплюнула она ещё одну скороговорку.

Я спросил, какой сегодня день. «Вторник», коротко ответила девушка.

Я поблагодарил и отошёл. Несколько минут смотрел, как табло доползло до 190. Прогресс!

Вышел на улицу, в голове крутилась одна мысль: паспорт нужен как можно скорее. Мои планы упирались в бюрократию, а времени не было от слова совсем. Я стоял у входа и соображал, куда податься, когда из дверей вышел охранник: молодой парень, слегка сонный, с наушником в ухе. Он подпёр дверной косяк и закурил.

Я окликнул его негромко: «Сынок, а начальник у вас кто? Поговорить бы глаза в глаза, без этих окошек. Я человек старый, уже плохо соображаю, что за бумажки от меня хотят».

Парень немного подумал. Белый шрам на его лице, от виска к скуле, слегка покраснел. Медленно, будто решаясь на что-то не положенное по инструкции, он кивнул: «Подождите, сейчас уточню».

Вернулся в помещение, подошёл к столу, набрал номер, сказал пару слов и выслушал ответ. Потом повернулся: «Начальник отдела ждёт вас, кабинет триста пятнадцать».

Я сказал: «Спасибо, сынок», подмигнул ему и пошёл к лифту. Лифт не работал. На нём висела табличка «Ведутся ремонтные работы», и по пожелтевшей бумаге было ясно, что ремонт начался ещё при Брежневе. Ремонт в России дело вечное, так что пошёл пешком. Благо ноги теперь работали замечательно.

Кабинет 315: обычная деревянная дверь, табличка «Начальник отдела». Постучал и без лишних приглашений вошёл.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти в деловом костюме. Кипа бумаг, старенький компьютер, кружка с недопитым чаем. Лицо усталое, глаза умные, цепкие и равнодушные.

Он кивнул: «Проходите, садитесь».

Я представился: «Сомов Юрий Петрович, полковник в отставке».

«Прохоров Иван Петрович. Слушаю вас».

Тоже Петрович. Два Петровича в одном кабинете, подумал я, но вслух не сказал.

Я опустил глаза, ссутулился. Главное тут не переиграть. Выдал заранее приготовленную речь: дочка в Израиле, одна с детьми, помочь некому. Пенсия моя, хоть и небольшая, но всё-таки полковничья, ей к месту будет. И за внуками присмотрю, пока она на работе. Здоровье у меня не очень, дочка говорит, нужна операция. И замолчал, разглядывая собственные руки.

Иван Петрович даже бровью не повёл. Помолчал, побарабанил пальцами по столу: «Понимаю вас, Юрий Петрович. Сочувствую. Но есть регламент. Срочное оформление возможно только при наличии оснований: смерть близкого, экстренное лечение либо выезд по гуманитарным причинам. Подтверждающие документы у вас есть? И заключение медицинской комиссии, ВКК?»

«Пока нет. Дочка приглашение готовит, да пока дойдёт… И комиссию я не проходил».

«Тогда ничем не могу помочь», он развёл руками. «Регламент. Принесите документы, тогда посмотрим».

Отказ. Я понял это сразу.

Спросил, не поднимая глаз: «Может, есть какой-то человеческий вариант?»

«Нет. Только согласно регламенту. Если так нужен паспорт, оформляйте по обычной процедуре, в течение тридцати дней».

Я начал подниматься со стула, ища глазами, с теперь уже отличным зрением, за что зацепиться. На столике в даль-

нем углу кабинета стояла фотография. Увиденное заставило меня резко выпрямиться и произнести хриплым командным голосом, который прозвучал как выстрел: «Откуда это у вас?»

Я подошёл и взял её со столика. Горы, разрушенная улица, группа людей в камуфляже. Старый снимок из тех времён, о которых я не люблю вспоминать. Первая чеченская. Я уже был военным пенсионером, но в том бардаке гребли всех, особенно с таким знанием гор и языков, как у меня. Вроде как переводчик-консультант. Отребья там хватало со всего Ближнего Востока. А по факту делал то, что делал всю жизнь.

Эта фотография не могла оказаться в кабинете у чиновника. Слишком сильно она диссонировала с обстановкой. Да и была она всего у пяти человек на свете.

Иван Петрович спросил тихо: «Вы там были?»

«Был», ответил я, внутренне успокаиваясь.

Помолчали. Слышно было, как тикают часы на стене.

«Я не знаю, кто вы, — сказал он. — Но я знаю это место и этих людей. Вот слева, в ряду, мой старший брат Костя. После его смерти я прилетел туда и опросил всех, кто его знал и был рядом, в том числе весь медперсонал. Вы его знали?»

Я ответил глухо: «Знал. Я его хоронил».

«Вас среди его знакомых не было. И никто мне про вас ничего не рассказывал».

«По регламенту не положено, вот и не рассказывали».

Слово «регламент» я выделил голосом.

Мы смотрели друг на друга. Я видел, как он переменился: появилась растерянность и немного скрытой благодарности, будто кто-то невидимый выключил в нём чиновника и включил человека.

Потом Иван Петрович придвинул клавиатуру и заговорил уже другим тоном: «Паспорт будет через три-четыре дня. Сделаю запрос как на срочное оформление по здоровью. По ВКК подойдёте к заведующей в районную поликлинику, я ей сейчас позвоню. Заявку подам в течение десяти минут. Скажите, дочь может оперативно прислать приглашение от клиники?» Он слегка отвёл глаза. «Подойдёт даже ксерокопия».

«Проблем с этим не будет. Принесу вместе с решением комиссии».

Чиновник заметно расслабился: «Это замечательно. Как придёте, сразу ко мне».

Любопытно: благодарность благодарностью, а пятую точку бумажкой он всё же прикрыл. Вторая натура чиновничьего племени.

Решил ковать железо, пока горячо. Сказал, что ещё надумал продать квартиру, нельзя ли оформить быстро и без волокиты. Иван Петрович помялся. Видимо, мои бонусы, как любят говорить в это время, подходили к концу. Но всё же произнёс с некоторой натугой: «Не беспокойтесь, организуем в лучшем виде». Что именно он организует, я уточнять не стал.

Вышел из кабинета с лёгким сердцем. Надо же, страна не совсем пропащая. Изменилась, конечно, но не везде и не во всём. Блат, благодарность, «свой человек» остались, просто теперь это зовётся «личные договорённости» или «административный ресурс».

В регистратуре меня отправили на второй этаж, в кабинет 217. Заведующая, сухая дама лет пятидесяти, листала мою карту так, будто я принёс ей на подпись завещание, в котором ей ничего не досталось.

Она сказала: «Юрий Петрович, по вашей карте всё не так плохо. Операция на сердце? У вас стенокардия напряжения, ишемическая болезнь, но до шунтирования далеко. Кто вам такой диагноз поставил и, главное, где?»

Стенокардия напряжения. Напряжение в кабинете, надо признать, и правда было налицо. Но только у одного человека, у меня.

Недолго думая, я ответил, что дочка говорит: израильские врачи посмотрели мои выписки и ЭКГ и сказали, что надо делать. У них, мол, технологии другие и лучше. «Я в этом не понимаю, Марья Ивановна. Я человек старый, верю людям».

Это, пожалуй, было самое убедительное враньё в этом кабинете. Вопрос только в том, кого я убедил. Легенду я готовил час, а врач разобрала её за две минуты. Разведчик, называется. Рентген моей лжи занял у неё секунд тридцать, но снимок, похоже, вышел чёткий.

Она спросила: «Приглашение от клиники когда будет?»

«Завтра. До обеда должны подвезти», ответил я, и сам удивился, как уверенно это прозвучало.

«Ясно. А пока, Юрий Петрович, извините, медкомиссия собирается раз в неделю. Приходите где-то через недельку за заключением. Иван Петрович, конечно, звонил, но мы не можем собирать ВКК по каждому звонку».

Комиссия, видимо, собирается так редко, что успевает соскучиться по работе.

«Через неделю не могу. Улетаю значительно раньше. Время поджимает. Может, как-то пораньше?»

«Раньше не получится, порядок такой».

Я слегка поморщился. Врач смотрела на меня поверх очков с явным недоверием ко всем моим байкам про операцию. Она искала повод не верить, и находила. И тут мой взгляд упал на её стол. Под стеклом лежали разбросанные фотографии. Они смотрели на меня из прошлого, как живые свидетели моей жизни. Одна, небольшая, была повёрнута так, что я разглядел её только боковым зрением. Мне вполне хватило.

Я узнал эту женщину. Точнее, узнала моя обновлённая память: такой она была лет тридцать назад.

Я спросил осторожно: «Простите, а вы случайно не служили в госпитале в Моздоке?»

Заведующая вздрогнула и оторвала взгляд от бумаг: «Откуда вы знаете?»

«Я вас вспомнил. Вы были медсестрой. Мы тогда привез-

ли раненого с Шатоя. Вы первая подошли».

Она слегка побледнела, сняла очки и пристально всмотрелась в моё лицо: «Этого не может быть. Я вас не помню».

«Это не удивительно. Я был в камуфляже и в крови, лица моего видно не было. Вы ещё кричали на санитара, чтобы он быстрее бежал за плазмой, а потом держали парня за руку, пока он не умер».

Она долго молчала. Потом тихо сказала: «Я помню этот день. А вас… не помню. Совсем не помню».

«Так вы и не могли меня помнить. Я тогда был не тем, кем стал сейчас. А с Иваном Петровичем вы, надо полагать, тогда же и познакомились?»

В кабинете повисла тишина. Потом заведующая надела очки, придвинула бланк и сказала: «Принесите приглашение завтра. ВКК соберём в пятницу».

Я шёл по улице, и город вокруг казался декорацией, которую кто-то небрежно выставил перед моим появлением. В центре этой декорации два человека, с которыми меня связывали едва заметные нити. Мы могли пересекаться, могли никогда не встретиться, могли разминуться в той жизни, что осталась за спиной. Но сегодня, в один день, они появились одновременно, в абсолютно не похожих местах. Странные встречи, чересчур странные, чтобы быть простым совпадением.

Опираясь на свой опыт, я твёрдо знал: случайности не случайны. Есть паутина причин, которую большинство не мо-

жет увидеть. Люди проходят сквозь неё, не замечая, как она вибрирует и натягивается от каждого их шага. Они не чувствуют связей между событиями, не видят единого клубка. И сейчас, идя по улице, я пытался этот клубок распутать. Вслушивался в свои мысли, но закономерность ускользала, ни одной зацепки, ни единого намёка.

А если это не закономерность, а знак? Что, если мир снова говорит со мной языком, который я за чередой лет давно забыл? Может быть, это не случайные встречи, а предупреждение. Или экзамен, ступень, которая позволит мне быстрее вернуть прежнего, надёжно забытого себя?

Я поймал себя на том, что жду подсказки. Будто кто-то должен прийти и разложить всё по полочкам. Вместо этого подумалось о синей точке на моей кухне. Может, это она мне ворожит? Может, этот пасьянс раскладывает мой помощник?

Я спросил у браслета: «Ну что, помощник? Есть что сказать?»

Помощник молчал. Похоже, пасьянс раскладывал не он.

Через дорогу я увидел салон связи. Стеклянная коробка, увешанная рекламой, как новогодняя ёлка. За прилавком стояла молоденькая девушка в фирменной футболке, с длинными волосами и накрашенными глазами.

Ух какая дивчина! Это что такое? То самое тоже начало возвращаться? Как-то неожиданно.

Я поздоровался с порога: «Здравствуй, красавица. Мне

телефон нужен, чтобы интернет работал, и чтобы научили им пользоваться».

Девушка удивилась, профессионально улыбнулась и сказала: «Конечно, проходите, давайте вместе посмотрим. Какие у вас требования?»

«Очень простые. Чтобы работал и не разбился, если уроню».

Раньше такие требования предъявляли к солдатам.

Она быстро показала несколько вариантов. Я выбрал «Сяоми» за двенадцать тысяч. В моё время на эти деньги можно было купить три мотоцикла с коляской. Расплатился картой: к терминалу прикладывать меня научил внук.

«Давайте я всё настрою, — сказала девушка. — Садитесь пока в зоне ожидания».

Я присел на маленький диванчик в углу. На столике лежали журналы про моду, сплошные голые животы.

Через полчаса она меня позвала: «Готово. Вот ваш телефон, вот интернет, это браузер. Всё вывела на главный экран».

«А научить? Как звонить? Как в интернет через него заходить? Почта ещё должна быть, эти, как их, мессенджеры».

Мессенджеры, в моём понимании, звучат как должность в разведке: резидент, связной, мессенджер. Оказалось, просто чат. Пока девушка отвлеклась на кассу, я ткнул в значок конверта и, усмехаясь про себя, стал ждать, когда оттуда выйдет почтальон. Почтальон почему-то не вышел. Видимо, у него

сегодня выходной.

Она обречённо вздохнула, но ещё полчаса объясняла, как включать, как набирать номер, как завести почту в приложении. Потом показала пальцем по стеклу: «Вот сюда нажимаете, вот свайп вверх, свайп вниз. Свайп это провести пальцем по экрану и прокрутить ленту».

«Свайп, — повторил я. — Какое дурацкое слово».

«Привыкнете со временем», сказала она.

Я сказал вслух: «Это слово мне говорили трижды в жизни: про армию, про гражданку и про пенсию. Привык ко всем трём».

Девушка заливисто рассмеялась. Её смех был первым одобрением в моём пожилом возрасте от человека, которому слегка за двадцать.

Ноутбук вчера дался мне сам собой, а со стекляшкой без единой кнопки пришлось разбираться отдельно. Мозг, видимо, обновляется выборочно: то, что нужно для войны, уже поставили, а для смартфонов обновление ожидается позже.

Прямо у выхода из салона я достал визитку, которую дали дамы, и набрал номер.

Молодой бодрый голос сказал: «Николай Александрович, слушаю!»

«Сомов Юрий Петрович. Мне ваш телефон дала Лариса Анатольевна. Ну и компания у неё, собачницы из первого подъезда».

В голосе Коленьки проскочили слащавые нотки: «Ах,

Лариса Анатольевна! Чудесные дамы, очень приятные. Вы квартиру продаёте? В том же доме?»

«Да, хотел бы оценить».

«Отлично! Я сейчас как раз недалеко, на просмотре, могу через час подъехать?»

Я сказал, что устраивает.

Через час Коленька стоял на пороге. Лет тридцать, пиджак, узкие брючки, начищенные ботинки. Одеколоном пахнет так, что глаза щиплет. В руках планшет в кожаном чехле, который, судя по виду, стоил дороже моей первой зарплаты.

Он протянул руку: «Юрий Петрович! Очень приятно!»

Прошёл в квартиру и завертелся: заглядывал в углы, трогал стены, зачем-то сунулся в ванную и постучал по трубам. Я шёл следом и молчал, никак не комментируя его действия.

«Высокие потолки, четыре метра, это плюс! Лепнина сохранилась, тоже плюс! Паркет родной? Дуб?»

«Дуб», коротко ответил я.

«Отлично! Под циклёвку, и будет как новый!»

На кухне он заглянул во все шкафчики, понюхал раковину и зачем-то открыл холодильник. Я опешил от такой беспардонности.

«Вы чего это, молодой человек?»

«Извините, привычка. Всегда проверяю состояние техники. Холодильник старый, «ЗИЛ», но работает?»

«Работает, Коля, ещё как. Гудит как трактор, но и морозит как зверь. Я его покупал, когда тебя ещё и в планах не было».

«Отлично, отлично! Ретро сейчас в моде, можно подавать как фишку. В описании так и запишем: арт-объект!»

Я промолчал. Арт-объект.

Он обошёл комнаты, заглянул на балкон. Там стояли старые деревянные лыжи и банки с соленьями. Коленька поцокал языком: «Балкон не застеклён. Минус, но некритичный».

Вернулись на кухню, сели за стол. Коленька достал планшет и начал тыкать в экран.

«Квартира отличная, Юрий Петрович! Сто двадцать метров, высота, лепнина. Арбат, центр, престижный район. Элитный!»

«Это я знаю. Ты по делу говори».

«По делу, по делу. Состояние, конечно, требует вложений. Ремонт нужен. Коммуникации старые, трубы менять, проводку. Это минус». Он сделал паузу. «Реальная цена на сегодня, я думаю, тридцать пять миллионов. Ну, максимум сорок, если повезёт с покупателем».

Тридцать пять миллионов он назвал таким безмятежным голосом, будто с собственной совестью он уже обо всём договорился. Я молча достал телефон. Потыкал в экран, набрал в поиске «сталинские квартиры Арбат продажа» и протянул ему.

«Вот, Коля, глянь. Сталинка на Арбате, сто двадцать метров, сто десять миллионов рублей. А вот ещё одна: сто пятнадцать метров, сто двадцать миллионов. Сравнивать с чем-

то будем?»

Коленька побледнел. Быстро, прямо на глазах. Глаза забегали, сам заёрзал. Совесть у риелторов всё-таки бывает, просто включается редко и по требованию.

«Ну, там, понимаете, евроремонт, дизайнерский проект… А у нас…»

«А у нас Горбачёв на обоях и Брежнев на потолке. Дизайнерский проект называется «Досталось от наркома». Но метры те же. Место то же. Стены, между прочим, тоже из одинакового кирпича», с ухмылкой добавил я.

«Цена может быть завышена… Часто завышают, чтобы потом торговаться…»

Я встал и открыл входную дверь: «Всего доброго, Николай Александрович. Будут вопросы, позвоню».

Он вышел, бормоча что-то про индивидуальный подход, и споткнулся о велосипед соседа. Я закрыл дверь.

«Прохвост», сказал я в пустоту. Задумался о том, что срочно нужно искать нового риелтора.

И тут в дверь позвонили. Открываю: Коленька, запыхавшийся, щёки красные. Совесть, видимо, пришла пешком и с опозданием.

«Юрий Петрович! Минуту! Я погорячился! Давайте по-честному!»

Я скептически ответил: «Ну, давай».

«Я продам вашу квартиру. За двое суток. За нормальную цену, сто десять миллионов минимум, без дураков. Мне

просто нужны такие объекты в портфолио. И потом, Лариса Анатольевна обмолвилась про монастырь. Я, как честный человек, не хочу, чтобы такие метры ушли в никуда. А вы человек основательный, со стержнем. С таким клиентом работать одно удовольствие, пусть даже и непросто».

Я посмотрел на него. Глаза уже не бегали. Смотрел прямо.

«Комиссия?»

«Шесть процентов. Как везде».

«Пять».

«Пять с половиной».

«Идёт. Но если через двое суток покупателя не будет, иду в другое агентство. И Ларисе Анатольевне расскажу, какой ты чудный мальчик».

«Будет, — твёрдо сказал Коленька. — Завтра вечером позвоню».

Пожал руку и ушёл. На этот раз не споткнулся.

Минут через десять после его ухода новый телефон зазвонил мелодией, которую я не выбирал. Не сразу сообразил, что звонят мне. Полминуты искал, куда нажать. Для человека, который в своё время расшифровывал чужие шифровки, позор несусветный. Пришлось применить свайп, то самое дурацкое слово. Свайпнул, и трубка заговорила голосом Ларисы Анатольевны.

«Юрий Петрович, это Лариса Анатольевна! Мы только что встретили Коленьку внизу, он сказал, что вы согласились. Хотела спросить: в какой монастырь? У меня племян-

ница на Афоне бывала».

«А номер мой у вас откуда?»

«Коленька продиктовал».

Штаб у них там, судя по всему, осведомлён не хуже Кантемировской дивизии: пришёл гонец, доложил обстановку, и весь личный состав на лавочке уже в курсе.

«Свято-Пантелеимонов, — сказал я. — Русский».

«Ой, там же Пантелеимон, целитель! Вам как раз по здоровью».

«За Николая спасибо. За контакт его спасибо. Обязательно, как доберусь до монастыря, за вас свечку поставлю. Или даже две».

Сказал это буднично, будто со святыми у меня давняя договорённость. После этого попрощался и положил трубку.

Если Коля за два дня не продаст, сменю этого болтуна. Растрепал уже половине дома. Зато версия про монастырь, придуманная на скорую руку, держится железно: я и сам почти поверил.

Я прошёл на кухню, сел за стол, налил остывшего чаю. За окном зажигались огни. Май, а слякоть как в ноябре: мокрый асфальт блестел под фонарями.

Достал тетрадку, раскрыл на чистой странице и начал записывать:

Паспорт. Три-четыре дня, после справки ВКК.

Квартира. Планировал тихо и без шума. К вечеру в курсе три собачницы, МФЦ, поликлиника, риелтор и племян-

ница на Афоне. Операция «Тихо» провалена с блеском: свидетелей втрое больше, чем на прежних операциях. Раньше на задание ходили втроём, теперь с группой поддержки в виде всего Арбата. Зато Коленька обещает за двое суток. Если продаст, будут деньги. Большие.

Телефон. Освоить, пользоваться, искать варианты.

Колыма. «Чёртов палец», семьдесят километров от города. Если золота нет, значит, нашли раньше. Но вряд ли: место глухое.

Белоруссия. Схрон под Минском: проверить, не рассыпалось ли за столько лет.

Израиль. Дочка и Сэм. Яша привозил его ко мне знакомиться, когда тот был ещё мальчишкой: стоял в дверях, вцепившись в отцовскую руку, и молча разглядывал мои фотографии. Мы тогда с Яшей думали, что впереди у нас ещё полно времени. Теперь Яша в земле, а Сэм вырос в хорошего парня. Оружие, связи, заодно дочку обнять. Скорее всего, в последний раз. Лена, дочка от первого брака, уехала в девяносто первом. Вышла замуж, родила внуков, которые по-русски почти не говорят. Обидно, но жизнь есть жизнь.

Китай. Барахло оптом: ткани, посуда, инструменты, бижутерия. Тысяча мелочей для обмена с местными. В раннем железном веке стеклянные бусы дороже золота.

Дом. Искать сруб, договориться, чтобы потом забрать. Лучше в Тверской области или под Вологдой. Добротный, с печкой, с крыльцом, с резными наличниками. Как в детстве

у бабушки в деревне.

Техника. Снегоболотоходы, вездеходы, горючка. Куб и колонна для спирта. Надо изучить, что сейчас выпускают.

Книги. Всё по списку, плюс «Краткий курс истории»: вдруг пригодится местных просвещать.

Приглашение из клиники. Обещал завтра до обеда. Завтра: выбрать клинику, набрать текст, распечатать, сделать печать и приложить.

Пакистан. Дешёвые боеприпасы. Пакистан подождёт: сначала бы с Израилем и Китаем разобраться.

Восемьдесят семь суток. Список рос быстрее, чем таяли дни. Но с молодым организмом внутри и старой головой на плечах я чувствовал: успею.

Вернулся на кухню, сел напротив окна. Браслет на запястье поблёскивал в свете старой лампочки Ильича, жёлтой и уютной.

Я сказал тихо: «Ну что, помощник. Завтра новый день. Посмотрим, что за зверь этот Коленька. И паспорт, и справка. Сэму с утра позвоню, договорюсь о встрече. Дочку обрадую: приеду лечиться. Не совру, кстати. Лечиться буду от старости».

Браслет молчал. Но мне показалось, что он чуть потеплел. Или это рука нагрелась.

Я посмотрел на руки. Австралия на тыльной стороне ладони никуда не делась. Прощаться с ней я пока не собирался.

«Шестьдесят один процент, — напомнил я себе. — Почти

гарантия».

Лёг спать и заснул быстро. Боль ночью не пришла. Только приятное тепло разливалось по телу, будто я лежал на солнышке, а не в старой квартире на Арбате, где батареи и зимой-то еле греют.

И снился мне дом. Большой, деревянный, с резными наличниками, с русской печью и высоким крыльцом. Рядом река. Лес стеной. Небо такое синее, будто его вымыли.

Я шёл к дому по тропинке, и спина не болела. Совсем.

Глава 4 И вечный бой

Утро встретило меня солнцем и полной тишиной во всём теле. Лежал пару минут, не открывая глаз, и ждал, когда организм предъявит счёт, как предъявлял его каждое утро последние годы. За спину, за колени, за вчерашнее неосторожное движение счёт не пришёл.

Раньше в это время только кряхтел да запивал таблетки остывшим чаем, а теперь хоть в пляс пускайся. Таблетки на тумбочке смотрели на меня с укором: их уволили без выходного пособия. Хотелось петь. Прислушался к собственному голосу и решил, что соседи заслужили спокойное утро.

Заварил чай. Сделал первый глоток и замер: о боги коммунизма, теперь чувствовал его вкус полностью, с горечью, с терпкостью, с дымным привкусом, которого не разбирал, наверное, с девяностых. Раньше я пил чай как лекарство, по расписанию. Теперь смаковал, как дегустатор, только без права сплюнуть, и налил себе ещё, чтобы подольше длилось это открытие.

Взял со стола телефон. Новенький «Сяоми» всё ещё пах магазином. Список контактов в нём был пуст, поэтому пришлось идти за записной книжкой. Освоил его не то чтобы хорошо, но тыкать пальцем в экран научился. Нашёл мессенджер, тот самый, зелёненький, с трубкой. Отыскал в книжке номер Лены, внёс его в телефон и нажал «видео».

Лицо дочери на экране было сначала удивлённым, потом радостным, а за её спиной на кухне что-то кипело и шипело.

«Папа?» Голос у неё был взволнованный, как всегда. «Ты чего так рано?»

Сказал, что звоню пожелать ей доброго утра и что прилечу через неделю.

Лена поперхнулась: «Через неделю? А билеты? А здоровье? Тебе же нельзя летать в твоём возрасте!»

«Можно, — ответил я. — Врачи разрешили. Я новое лекарство пью, чудеса творит».

«Какое лекарство?»

«Изотопическое. Не спрашивай, всё равно не поймёшь. Ты лучше скажи, как там внуки?»

Лена растерялась от смены темы: «Да нормально. Старший скоро в армию идёт, младшая школу заканчивает». Старший как раз мелькнул в кадре и крикнул: «Привет, дед!» с таким акцентом, что любой контрразведчик выдохнул бы тут же с облегчением: не наш. Потом Лена прищурилась в камеру: «Папа, ты хорошо выглядишь».

Недолго думая, сказал: «Это освещение».

Лена вздохнула: подозрительность у неё всё-таки отцовская. «Пап, а ты точно уверен, что лететь можно?» И принялась перечислять, чего мне нельзя в самолёте. Слушал и подсчитывал, что из этого нарушил за последние пять лет.

«Лена, я полковник разведки или кто? Если говорю «можно», значит, можно. Адрес свой напомни, а то в книжке у

меня прежний».

Она продиктовала адрес, потом опять про билеты: давай я закажу, давай я встречу, давай я врача найду. Отмёл все поползновения: «Лена, точную дату не знаю. Как вылечу, позвоню. Не суетись. Мать-героиня нашлась».

«Папа, ты опять что-то задумал».

«Вылечиться задумал».

Она промолчала: в нашей семье и это считалось подозрительным. Потом сказала, обиженно: «Только не потеряйся по дороге, старый».

«Не потеряюсь, — пообещал я. — Навигатор теперь в телефоне. Свайп туда, свайп сюда, и на месте».

Лена засмеялась, мы быстро попрощались, и она отключилась. Подумал: врал ли я ей хоть раз так вдохновенно? Врал. Но тогда мне за это хоть платило государство!

Сэма набрал тем же путём: из записной книжки в телефон, новый контакт, зелёная трубка. Воспоминания нахлынули сами. Яшу, отца Сэма, тащил на себе по Анголе двое суток. Потом, уже в госпитале, он заявил мне: «Если бы ты, Юра, был бабой, я бы на тебе обязательно женился. В качестве благодарности». Тогда ответил: «На хрена? Мы и так как родные».

Долго не брал трубку с незнакомого номера. Наконец Сэм ответил после десятого гудка и сразу на иврите. Поприветствовал его фразой, ставшей уже мемом: «Шалом, православный». Он удивлённо замолчал в трубку.

«Сэм, это Юрий Петрович Сомов из Москвы. Друг твоего отца».

«Юрий Петрович? Сколько лет! Вы живы?»

«Живее всех живых. Как вы там?»

«У нас всё нормально: жарко, шумно». На что я ответил, что у нас то же самое, только без жары. Потом сразу сообщил: «Сэм, я через неделю в Израиле буду, надо встретиться, поговорить по делу».

Он помолчал, потом спросил: «Какие у вас могут быть дела в Израиле?»

«Долгие, Сэм. Очень долгие. Яшу помянем. И кое-что надо обсудить. Ты ж теперь по охранной части, в курсе всех тамошних раскладов».

Пауза. Потом он сказал: «Дядя Юра, что конкретно от меня хотите? Только давайте, пожалуйста, максимально честно».

«Вся информация только при встрече».

«Дядя Юра, у вас, по словам отца, именно так всегда и начинается».

На моё «только при встрече» Сэм не удивился. Парень явно растёт в правильной семье. «Хорошо. Приезжайте. Рейс какой, я встречу».

«И без тебя встречальщиков хватит, дочка уже суетится».

«Лена? Передавайте привет. Хорошая женщина. Я её пару раз видел, когда она к отцу приезжала».

Попросил его ничего ей не говорить про наш разговор.

Сэм пообещал. Потом продиктовал адрес, где его можно найти, и я занёс его в записную книжку.

«Всё, Сэм, прилечу, наберу».

«До встречи, дядя Юра. Жду».

Отключился. Ещё удивился, с какой скоростью схватываю новое. Молодые мозги великая вещь: даже стекляшка без кнопок больше не пугает.

Теперь надо было делать приглашение из клиники. Без него паспорт не ускорят. Можно было бы попросить Лену, она за неделю справилась бы, я думаю. Но время. К тому же расспросы: что болит, кто лечит, почему молчал. А тут и руки вспомнят ремесло.

Для штемпеля нужна резина, лучше сырая. Она прощает огрехи, и мелкие промахи в ней легко поправить. На много оттисков её не хватит, слишком мягкая, но много и не нужно.

Быстро собрался: натянул старый свитер и куртку, сунул в карман ключи, телефон, кошелёк и вышел. Дамы на лавочке поздоровались и проводили меня взглядом, но приставать с расспросами не стали. Новость про монастырь, видимо, всё ещё переваривали. Интересно, что они теперь по двору разносят? Что старый полковник в монахи собрался, квартиру продаёт и грехи замаливает? Ну и пусть. Легенда как легенда. Ни хуже, ни лучше других.

До метро дошёл быстро. Ноги несли легко, даже в горку не запыхался. Приложил карточку к турникету, и железные

створки послушно разошлись. Сесть не успел и до «Павелецкой» доехал стоя, но это даже приятно: чувствовать, как тело держит равновесие без опоры. Раньше я в метро только сидя ездил, а если мест не было, ждал следующего поезда. Теперь хоть всю ветку простою.

Магазин автозапчастей нашёл не сразу. В центре Москвы таких почти не осталось, одни салоны для дорогих машин. Но рядом с Павелецким вокзалом есть несколько магазинчиков. Так и вышло.

Магазин назывался «Автозапчасти для всех». Маленький, забитый стеллажами с маслом, фильтрами и железками. В воздухе пахло резиной, соляркой и ещё чем-то техническим и родным. За прилавком стоял парень лет двадцати пяти в синей рабочей куртке, с наушниками на шее.

«Сырая резина нужна», сказал я.

Парень поднял бровь: «Чего?»

«Сырая резина. Для вулканизации. Кусок, грамм двести».

Вулканизировать ничего не собирался, но парню надо было хоть как-то объяснить.

Парень смотрел на меня, как на вопрос из билета, который он никогда не учил. «Номер запчасти есть? Вин-код?»

«Сынок, сырая резина это материал. Её по вин-коду не ищут».

«Материал мы не продаём. Мы продаём запчасти», слегка тупя, ответил он.

Он тыкал в компьютер минуты три, потом развёл руками:

«В базе нет «сырой резины». Может, вы имеете в виду герметик?» Я начал объяснять, что это такое, зачем нужно и что из неё делают. Парень слушал и кивал, а глаза у него становились всё стекляннее. Наконец сказал: «Позови кого-нибудь постарше».

Он ушёл в подсобку и вернулся с мужиком лет сорока в заляпанном маслом комбинезоне. Мужика парень позвал словами: «Тут дедушка просит резину, но не колёсную». Оценил уточнение.

«Сырую? Есть, конечно, вон на той полке, в зелёной коробке. Вам какой кусок?»

«Граммов двести».

Мужик отрезал так, будто делал это каждый день, завернул и пробил чек. Двести рублей. На такие деньги в моё время можно было купить штемпель вместе с начальником этого магазина. Завернули резину во вчерашнюю газету. Новости там были те же, что и сегодня, поэтому ничего не потерял, не прочитав их.

«Бывай, отец, — сказал мужик и подмигнул. — Если что ещё надо, заходи».

Парень остался стоять со слегка приоткрытым ртом. Он, видимо, думал, что резина бывает только шипованная и нешипованная.

Дома разложил на столе инструменты. Ювелирный набор, ещё с тех времён, когда в разведшколе меня учили работать с документами: резцы, скальпели, лупа. Всё это лежало в же-

стяной коробке из-под монпансье, промасленной, но сохранившейся в отличном состоянии.

Клинику выбрал в интернете: самую крутую в Израиле, по сердцу. «Тель-Авив Медикал Центр». Логотип красивый, с оливковой веткой. Срисовал его с сайта, благо теперь вижу практически каждый пиксель. Сначала нарисовал на бумаге, потом перенёс рисунок на кусок плоской резины.

Резал не торопясь. Руки не дрожали, пальцы слушались, как в двадцать пять. Прожилки на листе оливы вышли тонкими. Подумал: талантливо. Жаль, что в эту сторону мне никто не предлагал карьеру. Иврит резал справа налево и на середине понял, что начал строку там, где другие заканчивают. Пришлось всю работу переделывать заново.

Штемпельная подушка нашлась в ящике стола. Тушь на ней высохла при Горбачёве, но капля чая вернула её к жизни. Оттиск вышел благородно сине-коричневым. Первый получился кривым. Второй такой, что хоть сейчас в посольство. Если меня однажды поймают, скажу, что преступление совершено с душой.

Письмо на английском составил, как в школе: с двумя ошибками, чтобы не выглядело слишком хорошо. Осталось отправить его самому себе, чтобы было откуда печатать. Зашёл в почту на ноутбуке и долго мучился: пароль не помнил. Потом вспомнил, что он лежит на бумажке в столе. Нашёл, быстро ввёл, отправил. Значит, улучшение памяти приходит волнами.

«Помощник, в чём причина?»

В голове включился голос: «Когнитивные функции возвращаются постепенно. После очередного обновления клеток происходит откат на десять-двенадцать процентов в связи с возрастом и изношенностью организма».

«Когда следующее обновление?»

«Приблизительно через двенадцать часов. Обновления происходят с периодичностью два-четыре дня. Это связано с накоплением ресурсов организма и предельными нагрузками для вашего возраста».

«Ага, понятно. Меня сегодня ждёт весёлая ночка».

В типографию пошёл в ближайшую, на Арбате. Там сидела девушка с фиолетовыми волосами и пирсингом в носу. Она даже не спросила, что печатаю: дала почту для переброски файла и через пять минут выдала листы. Логотип клиники наверху попросил вставить за отдельную плату. Мелочь, но дороже, чем печать самого письма. Листы вышли глянцевые, плотные, с красивой оливковой веткой наверху.

В подворотне у мусорных баков расписался за главного врача, потом поставил печать. Подпись пришлось придумать. Врач, которого нет, расписывался уверенно. Кот на контейнере смотрел на меня, как свидетель, которого уже подкупили. Дворник спросил: «Отец, ты чего тут?» «Паспорт делаю». Дворник ободряюще кивнул: сейчас все что-то делают.

Письмо должно было ещё и пахнуть Израилем, но тут

оставалось надеяться, что Марья Ивановна не разбирается в запахе иврита.

Заведующая Марья Ивановна приняла меня хорошо.

Она надела очки, взяла письмо и стала читать, водя пальцем по строчкам. Потом посмотрела на печать: «Красивая печать». Скромно ответил: «Клиника старалась».

«Хорошая клиника. Я слышала о них. Дорого, наверное?»

«Дочка берёт расходы на себя. Она у меня молодец, ни разу не пожаловалась».

«Счастливый вы человек, Юрий Петрович. Дети заботятся».

Согласился: счастье у меня сегодня вышло в трёх экземплярах.

Она улыбнулась: «А вы сегодня бодрый. Прямо помолодели».

«Бывают и в жизни стариков светлые моменты».

«Оставьте приглашение, я всё оформлю». И впервые за много лет услышал эту фразу без подвоха. На столе у неё лежала папка с надписью «ВКК», тонкая, как моё алиби. «Комиссию соберу не в пятницу, а в четверг, раз вы так спешите. Приходите завтра после обеда за заключением».

«Спасибо, Марья Ивановна. Век не забуду».

Вышел с лёгким сердцем. Всё-таки интересная женщина. Глаза у неё живые и умные, хоть и строгая. Если бы не командировка, пожалуй, задержался бы в этом времени. Но дело есть дело.

Из поликлиники вышел и уверенной походкой пошёл по Арбату. Солнце, туристы, уличные музыканты: кто-то играет на саксофоне, кто-то рисует портреты на заказ. Девушки в коротких курточках с оголёнными животами, мода такая, в журналах видел. Ещё год назад подумал бы: безобразие, простуда. А сейчас иду и ловлю себя на том, что глаз не оторвать.

Мимо прошла девушка в короткой футболке, едва прикрывающей грудь, с пирсингом в пупке. Прогноз погоды её почему-то не интересовал. А меня, как ни странно, заинтересовал. Мой внутренний двадцатипятилетний хотел обернуться, внешний восьмидесятичетырёхлетний напомнил про спину. Спина молчала. Обернулись вместе.

Последние лет пятнадцать на женщин смотрел как на мебель: есть и есть. А теперь зацепило. Взгляды на себе ловить было приятно. Затем выяснилось, что смотрят на мою авоську.

У лотка с мороженым подумал: через сорок пять дней можно будет есть его без мыслей о возрасте. А сейчас, пожалуй, всё равно попробую.

Обедать пошёл в кафе через дорогу. Маленькое, уютное, с запахом свежей выпечки. Заказал борщ, котлету с пюре, компот. И понял, что вернулись вкусовые ощущения. Раньше ел, чтобы жить, а теперь живу, чтобы есть. Борщ наваристый, со сметаной и чесноком. Котлета сочная, с хрустящей корочкой. Пюре таяло во рту так нежно, что простил ему всю

армейскую столовую.

Съел всё и захотел ещё. Заказал пирожное «картошку», как в детстве. Первое съел как приличный человек. Второе как человек, которого никто не видит. Третье как человек, которого видят все.

Народ за соседними столиками косился: дед лопает сладкое, как не в себя. Одна девушка достала телефон и сфотографировала. У неё в соцсетях теперь будет «дед на сладком марафоне». Улыбнулся ей, и она быстро убрала телефон.

Официантка смотрела с удивлением. Подмигнул: «Детство вспоминаю, красавица. Организм требует глюкозы для восстановления нейронных связей».

Она не поняла, но улыбнулась.

В два часа позвонил Коленька: «Юрий Петрович! Я с клиентом! Можно подъехать?»

«Давай».

«Только... клиент важный. Вы уж там постарайтесь».

«Всегда стараюсь», ответил я и отключился.

Через полчаса они стояли на пороге. Коленька сиял так, что им можно было освещать кухню вместо люстры. Рядом с ним стоял мужчина лет пятидесяти пяти, грузный, в дорогом пальто, шарф небрежно накинут, в руках портфель из кожи. Лицо из тех, что привыкли, чтобы им поддакивали. Такие встречаются везде, хоть в Москве, хоть в Луанде. Он вошёл так, будто квартира уже оформлена на его фамилию, а я пришёл в гости.

Ходил по комнатам медленно, заложив руки за спину, заглядывал в углы, трогал стены. На лепнину смотрел въедливо, как налоговый инспектор, которому велено найти хоть одну недоделку. Недоделок не находил и, кажется, от этого обижался. Вышел на балкон, посмотрел во двор, на тополя.

«Хороший дом, — сказал он вальяжно. — Тихий двор, центр, сталинский фонд. Лепнина сохранилась. Паркет родной. А что за люди в подъезде?»

Назвал профессора на первом этаже, артистку из театра Вахтангова на четвёртом, молодую семью с детьми сверху и остальных, новых, но состоятельных. Про дам на лавочке решил промолчать. Пусть знакомится сам. Сюрприз будет.

Он прошёл на кухню и сел за стол. Поставил чайник. Коленька суетился рядом, заглядывал в глаза то мне, то гостю. Гость пил чай маленькими глотками и смотрел на меня оценивающе. Молчал. Ещё в разведке усвоил: кто первый заговорил, тот проиграл.

«Сколько?» спросил он наконец.

«Сто десять».

Он усмехнулся: «Дорого. Окна менять придётся. Коммуникации старые. Ремонт миллионов на десять».

«Окна не такой большой расход. Окна вы купите и сделаете, а метраж и место вы не сделаете. А дух дома вообще бесценный. Сто десять».

Он поднялся и открыл холодильник. «ЗИЛ» обошёл дважды, как обходят памятник, потрогал круглую ручку, при-

слушался к гулу и с неожиданным уважением сказал: «Раритет».

«Член семьи», поправил я. Холодильник в ответ солидно загудел и дёрнул дверцей, будто подтверждая.

«Сто. И по рукам».

«Сто пять. И условие: я живу здесь ещё сорок пять дней после сделки. Сорок пять, и ни днём больше. Дольше мне здесь оставаться ни к чему».

«Зачем?»

«Вещи распродать, документы оформить. Я к дочке в Израиль уезжаю, а оттуда на Афон. Израиль практически по дороге».

Гость подумал. «Сто пять много. Сто один».

«Сто четыре».

«Сто три, и я не спорю».

Посмотрел на него. Глаза хитрые, но не злые. Человек, привыкший торговаться, не хапуга. На слове «сто три» он улыбнулся так, как улыбаются на чужих похоронах: сдержанно и с облегчением, мол, дорого, но жить можно.

«Идёт, — сказал я. — Но деньги в ячейку, и регистрация за ваш счёт».

«Заметано. У меня люди быстрые».

Скрепили сделку рукопожатием. Ладонь у него была сухая и тяжёлая. Он достал телефон, набрал номер и коротко сказал: «Подготовь документы». Бывают такие люди: скажут, и документы как будто сами готовятся. А мне сегодня при-

шлось готовить свои собственными руками.

«Завтра в десять у МФЦ, — сказал он. — Я пришлю машину».

«Не беспокойтесь, сам дойду. Ноги пока носят».

Он кивнул и ушёл. Коленька задержался на пороге: «Юрий Петрович, вы гений!»

«Гений, Коля, торгуется до последнего рубля. А я просто старый. Ты же обещал сто десять минимум».

«Обещал, не спорю. Но вы же сами торговались. Тут я ничего поделать не могу». Он помолчал, потом спросил как будто между делом: «Юрий Петрович, а куда вы деньги собираетесь потратить?»

Лицо у него неуловимо изменилось. Видимо, версия с Афоном всё-таки оказалась не совсем убедительной. Прищурился и посмотрел на него долгим взглядом. Эта жизнь научила меня, что такие вопросы не бывают праздными, особенно когда касаются больших денег.

«А тебе какое дело, внучок? Мои деньги, куда хочу, туда и трачу. Могу на мороженое пустить, могу на воздушные шарики. Не твоя печаль. А вообще, как монастырь распорядится».

Он закивал, забормотал извинения и ретировался. За эти полминуты Коленька в моих глазах стал чуть ниже ростом и заметно выше по подозрительности. Редкая комбинация. Закрыв дверь, подумал: хороший мальчик, но таких надо держать в тонусе и на расстоянии вытянутой руки. Лучше двух.

Прохвост, но пока полезный. Риелторы эти думают, раз старик, значит, можно надурить. Хрен вам, а не полковник Сомов.

«Ну вот, — сказал я вслух, когда остался один. — Квартира уже не моя. Почти».

Странное чувство. Квартира стояла вокруг меня, как старый друг, которому я собираюсь сказать, что мы больше не увидимся. В ней прожил сорок лет. Женился, разводился, дочь вырастил, внуков водил гулять во двор. Стены помнят всё. А теперь продал. За сто три миллиона. На эти деньги можно горы свернуть. Или потратить на один поход в прошлое.

«Интересно, — сказал я браслету, — а если я туда возьму с собой мешок денег? Они там пригодятся?»

Браслет промолчал. Но я и не ждал ответа. Сам знаю: не пригодятся. Там другие ценности: железо, соль, ткани, стеклянные бусы. А деньги бумага.

Вечером сел на кухне и подвёл итоги дня. Квартира продана, сделка завтра в десять. Завтра после обеда заключение ВКК и сразу к Ивану Петровичу вместе с приглашением. Регистрация сделки займёт три дня, а во вторник утром будет и паспорт на руках, и деньги из ячейки. Через сорок пять дней съезжаю. Дочка предупреждена, Сэм на связи.

Список дел на завтра получился короче сегодняшнего. Всё идёт по плану, даже лучше, чем рассчитывал. Ещё несколько таких дней, и можно начинать закупки.

«Ну что, помощник, — сказал я браслету. — Завтра новый день. Деньги, документы, подготовка к большой дороге».

Браслет молчал.

«Только ты это... не подведи. А то останусь я с деньгами, без молодости и без квартиры. И что тогда? Опять петрушку по сорок пять рублей покупать? И буду я, пожалуй, самым богатым стариком на кладбище».

Лёг спать и заснул быстро. Ночью мне ничего не снилось, а потом меня выгнуло дугой на постели. Стальные иглы впивались прямо в мозг, всё тело свело судорогой. Попытался позвать на помощь, но слова рассыпались на слоги, на языке, которого ещё не придумали: «По... мощ... ник!!! По... мо... ги!!!»

Облегчение наступило быстро. Лежал на мокрой простыне, сердце колотилось, адреналин отпускал. Недолго и в ящик сыграть, подумал я. «Эй, чучундра из браслета, — сказал я в темноту, — после случившегося я не настроен на режим «вежливый пенсионер». Мне нужно заснуть. Завтра не простой день, а с такими стрессами я до утра не усну».

Вырубило меня мгновенно, как после ночной стрелковой. Только без пострадавших.

Глава 5 Ознакомлен и согласен

Утром в окно стучал дождь, мелкий и невесёлый. Москва напоминала, что я живу в Москве, а не на Кипре. Мне было всё равно.

Кофе сварил в алюминиевой турке, ещё советской. Дно у неё чёрное, ручка болтается, зато кофе выходит с гущей, которая потом скрипит на зубах. К нему бутерброд с докторской. Её нынче никто не берёт, а я без неё не могу. Ностальгия по исчезнувшей стране началась у меня с хлеба и колбасы, а гимн тут ни при чём.

Оделся попроще: джинсы и старая куртка поверх свитера. Джинсы я носил, как полковник, которого по чужому приказу переодели в штатское, и никогда не понимал, зачем тянуть на себя чужое. Но сегодня выделяться было нельзя. Человек, продавший квартиру, должен выглядеть так, будто её отобрали за долги. Иначе запомнят.

Паспорт в карман, ключи следом. Два главных атрибута человека, у которого скоро не будет ни квартиры, ни родины. На брелоке медведь с балалайкой. Лена сунула мне его в руку, когда прилетала в последний раз: держи, пап, чтоб ключи не терял. Купила в Шереметьеве, там такими торгуют для улетающих, чтобы увезли с собой немного России. Медведь облез до проплешин. Менять его я не стал. Даже не подумал, что можно.

На улице воздух был сырой и свежий, я дышал им и никак не мог надышаться, как после долгой болезни. Машины пыхтели, на перекрёстке встали, кто-то давил на клаксон без толку. До МФЦ решил идти пешком. Москва спешила, и я шёл вместе с ней, впервые за много лет с делом в кармане.

Продавал я не стены. Стены это бетон и обои. И сосед сверху, который по ночам двигает мебель. Я менял прежнюю жизнь на билет в один конец, причём в самом прямом смысле. Куда именно, знал пока только я. Шёл мимо витрин и людей с зонтами и разглядывал их так, как разглядывают вещи перед переездом. Это возьму. Это оставлю.

Браслет под манжетой тикал не звуком: будто отбивал ритм по коже.

Николай ждал у входа под козырьком, курил и дёргал ногой. Увидел меня, расплылся: «Юрий Петрович!» Слишком сладко. Так улыбаются, когда собираются предъявить счёт.

«Покупатель уже в банке напротив. Деньги приготовил, ждёт только вас».

Покупатель волнуется. Я-то думал, такие люди волнуются только из-за цены.

«Не мельтеши, внучок. Никуда он не денется. Квартира ему понравилась».

Николай хмыкнул, глаза у него бегали. Что-то в этой сделке было нечисто.

Банк в старом здании с колоннами. Внутри дуб и мрамор, ходишь на цыпочках и считаешь рубли. Охранник оки-

нул нас взглядом и отвернулся. Покупатель сидел в переговорной, растопырив локти, перед ним лежала пухлая папка. Кивнул мне, как швейцару. Я ответил ему, как швейцар швейцару: с профессиональным уважением.

Ячейку уже оформили. Договор я прочёл от первой строки до последней, не торопясь. Привычка со службы: самое важное прячут в сноске. Здесь не нашёл, и это меня не успокоило.

Покупатель пересчитал деньги, кряхтя. Купюры хрустели. Я смотрел на них и видел топоры, соль, стеклянные бусы. Ну и оружие, если дойдёт до дела.

Служащий закрыл ячейку с серьёзным лицом и раздал ключи: один мне, другой покупателю. Схему эту я накануне вечером изучал в интернете. Никто никому не верит до конца, поэтому все спокойны. Деньги заберёт либо я, предъявив выписку о переходе права, либо он, если регистрацию завернут. Честность тут заменили взаимным страхом. Работает.

Через дорогу, в МФЦ, пошли втроём: покупатель с папкой, Николай с улыбкой, я с ключом от ячейки. Ключ я сжимал в кулаке всю дорогу и разжал, только когда открыл дверь.

В МФЦ пахло пластиком и мокрыми зонтами. Очередь гудела. Нас провели мимо, и очередь провожала нас глазами. В прошлый раз я просидел здесь три номера на табло. Сегодня обошёлся без цифр, мои связи пошли на повышение.

Оператор, по бейджу Алёна, читала договор вслух ровным голосом, как инструкцию к чужому чайнику. На столе кактус

и кружка с недопитым кофе. Одним ухом я слушал её, другим Николая, который тыкал в телефон.

Он кому-то быстро печатал. В стекле шкафа за спиной Алёны отражался его экран. Слов не разобрать, только ритм: короткое, короткое, длинное. Так пишут не друзьям. Так отчитываются или оправдываются перед кем-то.

Потом он поднял глаза, наши взгляды встретились, он улыбнулся, но уголок рта дёрнулся. Затылок зачесался раньше, чем я понял почему. Чуйка. Пятнадцать лет молчала, а тут проснулась. «Дёргается, как заяц на трассе», сказала она. Знаю, ответил я. Подождём. Всё же чисто: документы настоящие, покупатель солидный, деньги в ячейке. А риэлтор потеет.

«Ознакомлены и согласны?» спросила Алёна.

«Ознакомлен. И согласен».

Последний раз я так отвечал на присяге.

Браслет под рукавом на секунду потеплел. Будто кто-то на другом конце тоже поставил подпись. Выходит, сделок сегодня было две.

Подписали. Я расписался размашисто, как всегда, покупатель поставил закорючку. Алёна приняла документы и шлёпнула штамп на расписку. Регистрация займёт несколько дней, но я уже понимал, что дело сделано. На штампах у нас всё и держится: стоит печать, значит, было, а если подделана хорошо, то тоже было. Формально я пока хозяин. По сути бомж с ячейкой на сто три миллиона.

На улице дождь кончился, асфальт мокро светился. Николай закурил.

«Ну что, дед, теперь гулять? Сорок пять дней ты тут ещё кукуешь. Не страшно одному?»

Мелкий засранец менялся на глазах. Дальше, видимо, станет крупным.

«А чего бояться, Коленька? Квартира уже не моя, а жить в ней буду. Ты лучше скажи, чего целый день дёргался?»

Он поперхнулся дымом.

«С чего вы взяли? Переживал, чтобы сделка прошла. Комиссия, сами понимаете…»

«Понимаю. Комиссия дело святое».

Я запомнил, как у него дёрнулся рот. Пока всё.

После обеда пошёл в поликлинику. Марья Ивановна выдала заключение ВКК коротко и без слов, а в дверях бросила: «А вы, Юрий Петрович, на вид лучше своей карты». Улыбнулась уголком рта. Хорошая женщина. В другой жизни я бы за ней приударил. Но слишком уж наблюдательная.

Дальше отдел загранпаспортов, третий этаж, кабинет 315. Лифт не работал, табличка «Ведутся ремонтные работы» висела так, будто её приколотили навсегда. Поднялся пешком. Ноги пока на моей стороне.

Иван Петрович говорил по телефону: «…справка о задолженности только оригиналом, цветная распечатка не годится, даже если очень похоже…» Увидел меня и положил трубку.

«Юрий Петрович! Сделку закрыли?»

«Подали документы».

Я выложил на стол папку с приглашением из клиники и заключением ВКК. Стол как в прошлый раз: кружка с остывшим чаем, кипа папок, старый монитор. Добавилась скрепка, которую он мял в пальцах.

«Израиль, значит. Дочь?»

«Лена. Тридцать пять лет там. Внуков вырастила, теперь меня зовёт».

«Хорошее дело, внуков нянчить».

«Они по-русски пишут через слово с ошибками. Да и говорят так же. Ничего, начнут. Как говорится, не хотят, заставим».

Врать про Лену оказалось проще, чем я думал, и мне это не понравилось. Она настоящая, внуки настоящие, потому и ложь вышла гладкой: наполовину в ней правда.

Иван Петрович читал приглашение медленно, как чужое письмо. На печати клиники задержался. Повернул лист к окну, на градус, не больше. Я смотрел на скрепку в его пальцах и считал обороты. Дошёл до пяти.

Он сказал наконец: «Печать чёткая. Редко такую вижу. Сейчас всё больше смазывают».

«Раньше штемпели делали на совесть. Не то, что сейчас», ответил я.

Он кивнул, отодвинул скрепку на край стола, потом дошёл до заключения и слегка нахмурился.

«Диагноз у вас не самый тяжёлый. Вы уверены, что операция нужна?»

«Врачам виднее. У них аппаратура».

Взгляд стал цепким, но подозрения в нём, вроде бы, не было. Это радовало.

«Паспорт сделаем срочно. Во вторник с утра».

«А пораньше? В Израиле без меня, поди, волнуются».

«Не выйдет. Биометрию отправляют в центральный офис, оттуда возвращается не сразу. Технологии. Распишитесь здесь и здесь. И дату поставьте сегодняшнюю».

Я расписался не спеша. Он убрал бланк в верхний ящик.

«Спасибо, Иван Петрович. Выручили». Я встал и протянул руку. «Косте вашему при встрече передам, что вы человек надёжный. Думаю, скоро я с ним увижусь».

Он замер на секунду.

«Передайте. Он бы удивился. Говорил, что я бумажная душа».

Бумажная душа. По-моему, на таких и держится всё остальное. Сами они только об этом не знают.

На пороге я обернулся.

«Иван Петрович, вы всем так помогаете или только старым полковникам?»

«Тем, кто по-человечески просит. А вы ещё и Костю знали. Идите уже, не бередите».

В коридоре толпились люди с папками, дети, усталые лица. На первом этаже у окошка справок сидела та самая де-

вушка, что в прошлый раз гоняла меня по этажам. Она разбирала бумаги и головы не подняла. Я прошёл мимо спокойно, как человек, у которого наверху знакомый начальник.

На улице пробивалось солнце. Над Москвой тянул белую нитку самолёт, шёл на юг, в сторону Израиля. Мне в другую сторону, подумал я. Назад.

Дома налил воды из фильтра в гранёный стакан и встал у окна. Потом достал из ящика стола ювелирный набор: резцы и лупа. Штемпель я вырезал на кухне под настольной лампой за один вечер. Руки всё помнили, и мне от этого было слегка не по себе. Они помнили даже лучше головы.

Лене надо позвонить перед вылетом, назвать дату. Дату я уже придумал, с запасом на задержку рейса. Она будет ждать в Бен-Гурионе. Табличку, наверное, нарисует, с моей фамилией. Она у меня такая.

Лёг рано, под шум дождя. Приснилась пустыня, только из сырой резины вместо песка, она пружинила под ногами. Я был молодой, в форме и точно знал, куда иду. На горизонте стояла дверь, моя, в коричневом дерматине. Я шёл к ней сорок пять дней, и она не приближалась ни на шаг.

Утром, пока варился кофе, снял с кольца ключ от квартиры и положил на стол. Через сорок пять дней отдам его новому хозяину. Медведя оставлю себе. Зачем, пока не знаю.

Потом позвонил Семёнычу. Он в отставке, но базы видит по-прежнему.

«Пробей мне одного риэлтора, Николай. Фамилию скину.

Сейчас посмотрю на визитке».

«Нехороший человек?»

«Пока нервный. А нервные потому и нервные, что кому-то должны».

Семёныч помолчал секунд пять. Для человека, который в жизни не сказал лишнего слова, это был целый абзац.

Глава 6. Белорусский вояж

Ты никогда не знаешь, что за тобой следят. Ты чувствуешь это.

Затылком. Позвоночником. Тем местом между лопаток, которое холодеет первым, когда опасность подходит слишком близко. Вот и сейчас я ещё не закрыл дверь подъезда, а уже знал. Ветер не переменился. Птицы не замолкали. Но где-то глубже мыслей, там, где у человека до сих пор сидит тот, кто ночевал у костра и слушал лес, что-то повернуло голову.

Они здесь.

Утро было серым и тяжёлым. Небо над Москвой набухало влагой, как старая рана, которая вот-вот откроется. Я шёл по тротуару, считая шаги. Раз, два, три, четыре... Это старый трюк: считать шаги, чтобы мысли не разбегались, чтобы паника не схватила за горло.

На пятисотом шагу они появились.

Двое. Крупные, тяжёлые, словно отлитые из другого металла, чем обычные люди. Один в кожаной куртке, другой в синей болоньевой, с пузырями на локтях. Такие куртки носили в девяностых, когда люди боялись, что завтра не настанет, и одевались покрепче. Сейчас их не носят, а эти носили.

И от этого становилось слегка не по себе.

Я вспомнил себя молодым и глупым. Когда думал, что пу-

ля всегда пролетит мимо, а смерть — это то, что случается с другими. Теперь я знал лучше. Смерть всегда рядом. Просто очередь у неё длиннее, чем за импортными колготками в восьмидесятых. Но стоит она в ней терпеливо и дождётся каждого.

Они пытались прятаться. Кожаный нырнул за лоток с шаурмой, присел на корточки завязать шнурок. Я смотрел в отражение витрин на это представление и думал: неужели они правда считают, что я их не вижу? Неужели они всю жизнь охотились на тех, кто слеп?

В Анголе, много лет назад, я научился смотреть. Там, в джунглях, где смерть приходила из-за любого куста, я понял: настоящая тень не делает лишних движений. Настоящая тень просто есть, и ты не замечаешь её, пока не становится слишком поздно.

Эти двое были не тенями. Они были двумя кабанами, которые замерли в кустах и думают, что если не шевелиться, охотник пройдёт мимо.

Кожаный был крупнее. Не толще, а именно крупнее, будто его собирали из деталей на вырост и забыли вовремя остановиться. Шея росла прямо из плеч, без перехода, и голова сидела на ней, как кочан на грядке. Руки не знали покоя: он одёргивал куртку, поправлял воротник, лез проверять молнию. Молния была исправна. Он проверил её раз пять, как человек, который никому не верит на слово, даже собственным карманам.

Болоньевый был суше и тише. Не суетился, не приседал за лотками, не вертел головой. Шёл ровно, с лицом человека, который идёт на нелюбимую работу и увольняться не собирается. Глаза светлые, выцветшие, смотрели чуть мимо меня, как смотрят в окно электрички: без интереса, лишь бы куда-то смотреть. Куртка с пузырями на локтях сидела на нём так, словно он в ней родился.

Они не разговаривали. Ни слова, пока я шёл до метро. Кожаный один раз вытащил телефон, глянул в экран и сунул обратно, как будто тот его обжёг. Болоньевый к карману не тянулся вовсе.

Я свернул в подземный переход. Они свернули следом, помедлив дольше, чем надо, но вышло только заметнее. Кожаный пропустил вперёд женщину с тележкой на колёсиках и пристроился у неё за спиной, как за ширмой. Ширма была узковата: из-за её плеча торчала вся его голова. В переходе пахло мокрым бетоном, хлоркой и вчерашними пирожками. У стены парень в вязаной шапке бренчал на гитаре что-то блатное. Футляр перед ним был пуст, если не считать двух монет и окурка.

Метро в такую рань полупустое. Уборщица возила шваброй по мрамору, двое рабочих в оранжевых жилетах дремали на ходу. На эскалаторе я встал справа. Кожаный занял ступеньку выше. Болоньевый остановился двумя ступенями ниже и принялся разглядывать рекламу над головой. Ни разу не обернулся. Выдержка у него была. Школы не бы-

ло.

В вагоне метро я сел лицом к выходу, чтобы видеть каждого входящего. Кожаный вошёл в соседнюю дверь, ухватился за поручень и повернулся ко мне спиной, слишком прямой для человека, который якобы просто едет. Болоньевый зашёл в соседний вагон. Сквозь стекло межвагонной двери было видно, как он встал у торца и привалился плечом к стене. Один ведёт, второй страхует. Умно. Или просто не любит толкаться.

Кто они?

Мои бывшие коллеги? Решили выяснить, куда собрался отставной полковник после продажи квартиры? Нет. Это не профессионалы. Значит, частный наём или кадры совсем кончились. С кадрами сейчас везде беда. Даже там, где раньше был конкурс десять человек на место.

Значит, частники. Или из той конторы, что Коленьку курирует. «Гефест-Инвест».

Похоже на правду.

Пока вагон гудел в тоннеле, я прокручивал вчерашний вечер.

Всё нужное я собрал накануне, при задёрнутых шторах. Хранилище открывалось так: браслет теплел, перед глазами вставал пустой ангар, и то, что я держал в руке, просто переставало там быть. Рюкзак с сухпайком и аптечкой. Нож. Фонарик. Двадцать метров верёвки, которые я перемотал дважды, пока каждый виток не лёг как надо. Дополнительную

финку оставил отдельно, под рукой, в рукаве куртки.

Кошку для заброса соорудил из подсобного хлама. Три гвоздя-сотки с согнутыми крючьями, тяжёлая гайка для утяжеления, изолента в пять слоёв. Выглядела убого. Держать должна. «Спецназ бабы-Яги», сказал я вслух, разглядывая её перед тем, как убрать.

Следом легла штыковая лопата, советская, с черенком, отполированным чужими ладонями, и керосиновый фонарь с маленькой канистрой на полтора литра. Электричеству под землёй обязательно нужна страховка. Так, на всякий случай.

Правило у хранилища было одно. Я узнал о нём в первый день. Его подсказал мне сам браслет. Внутри земли браслет молчит и никак не отзывается. Надо это учитывать при моей сегодняшней вылазке.

До Белорусского вокзала я доехал затемно. Болоньевый возник рядом, словно вынырнул из-под пола, встал под табло и, задрав голову, изучал расписание. Потом достал телефон и начал кому-то звонить. Кожаный возился у кофейного автомата: тыкал в кнопки, не глядя на цены, и, похоже, ему было всё равно, что пить, лишь бы на нём не задерживали взгляд.

Билет на «Ласточку» Москва — Минск, шесть утра, я взял не торопясь, как берут на дачную электричку. В кассе нарочно долго искал очки и паспорт: сперва в одном кармане, потом в другом, потом снова в первом. Девушка за стеклом ждала с тем терпением, которое включается у кассиров на

третьем пенсионере за смену. «Внук куда-то положил, а я и забыл», сказал я растерянно. Она кивнула и даже не вздохнула, что можно считать подвигом. Надо производить впечатление старого немощного человека. Лишним не будет.

До отправления оставалось время. Я сел на скамейку и стал смотреть на людей. Дворник с метлой, женщина с ребёнком в капюшоне, двое в костюмах и с одинаковыми портфелями. И старуха, та самая, из перехода: катила свою сумку на колёсиках, как собачку на поводке. Кожаный взял стаканчик, прошёлся вдоль скамеек и сел через ряд от меня, отвернувшись с таким усилием, что хрустнула шея. Болоньевый остался у колонны. В такую рань, при пустом зале, со стороны мы, наверное, смотрелись странной семьёй: старик на скамье и двое великовозрастных сыновей, которые не решаются подойти к разозлённому родителю, но и уйти не могут.

Это было даже лестно. В моём возрасте мало кому уделяют столько внимания.

В вагоне было тепло и пахло, как во всех новых поездах: пластиком, которым ещё не пользовались, кофе из автомата и чьим-то одеколоном, слишком свежим для шести утра. Я сел у окна, спиной по ходу, чтобы видеть весь вагон. Народу было немного. Двое командировочных в одинаковых синих куртках, из тех, что ездят всю жизнь и уже не различают города. У одного на коленях лежал ноутбук, у другого пакет с бутербродами. Напротив устроилась бабка с корзиной домашней снеди, от которой тянуло салом и варёной картош-

кой. Она вытащила из кармана платок и накрыла корзину, будто прятала от чужих глаз сокровище. У меня заурчало в животе.

Я положил руки на колени и закрыл глаза. Пусть думают: дремлет старик. Всё как и положено в его возрасте.

Поезд тронулся без толчка. За окном поплыли окраины, гаражи, потом поля, перелески, деревеньки с одной улицей и одним магазином.

Кабаны устроились в соседнем вагоне, у самого прохода, откуда я был у них как на ладони. Минут десять сидели смирно. Сквозь стекло двери было видно, как Кожаный поправил куртку, расстегнул её, снова застегнул и выглянул в окно, хотя там были только бетонный забор и небо. Нервничал он или старательно не нервничал, разницы не было: выдавало и то, и другое. Потом оба поднялись и вышли в тамбур, топтались там и делали вид, что курят, хотя курить в тамбуре давно нельзя. Болоньевый повернул голову, и я разглядел его профиль: тяжёлая челюсть, маленькое ухо, прижатое к черепу, как у борца. Посмотрел на меня ровно столько, чтобы убедиться, что я на месте, и отвернулся. Лицо я запомнил. Кожаный достал сигарету, но проводница так на него зыркнула, что он убрал её обратно, как школьник, пойманный за мелкой шалостью. Профессионалы, мать их етить.

Я смотрел в окно и думал. Деньги лежат в ячейке, а ключ от неё я оставил в хранилище, в ангаре, которого ни один обыск не найдёт. Брать меня сейчас нет смысла. Значит, па-

сут. Хотят знать, куда я еду и с кем встречаюсь. Ну-ну.

Один раз я приоткрыл глаза и посмотрел на стекло двери: в нём отражались две головы на фоне тамбура. Сидят. Ждут. Меня это даже успокоило: пока я им нужен, они меня берегут.

В обед проводница прокатила тележку: «Чай, кофе, свежие бутерброды». Командировочные взяли по кофе, бабка попросила кипяток и заварила что-то в своей кружке, и по вагону поплыл запах чабреца. Я взял комплексный обед в пластиковой коробке: гречка с котлетой, капуста, компот. Ел медленно. Раньше глотал не жуя, лишь бы отвязаться от желудка, а теперь чувствовал каждую крупинку, перец в котлете. Вкус вернулся и подарил мне миллион фантастических ощущений, которые я потерял ещё в зрелые годы. Гречка рассыпчатая, котлета сочная, капуста хрустит. Даже компот, обычный, из сухофруктов, показался нектаром. Хорошо быть молодым, хоть пока и частично.

Кабаны в своём вагоне обедали тем же. Через стекло было видно, как Кожаный ковыряет котлету вилкой и морщится, а Болоньевый жуёт, глядя в одну точку. Ощущения вкуса у них, похоже, не было ни в молодости, ни сейчас.

Минск вынырнул из-за поворота неожиданно: сначала окраины и гаражи, потом многоэтажки, потом вокзал, и всё за какие-то пять минут. Бабка собрала корзину, командировочные захлопнули ноутбуки. Я надел куртку и пошёл к двери, не торопясь, как положено старику.

На вокзале была суета. Чемоданы на колёсиках стучали по плитке, таксисты махали руками, кто-то пил кофе из стаканчика, кто-то уже опаздывал, кто-то стоял и тупо смотрел на табло. Я смешался с толпой и пошёл к выходу, не ускоряясь. Старик, которому некуда спешить. Пусть кабаны думают, что я приехал к родственникам.

На стоянке такси я выбрал машину не самую новую, но и не самую убитую. Водитель, парень лет тридцати с наушником в ухе, выглядел так, будто всю ночь слушал музыку и теперь дослушивает её на работе. Всю дорогу он беззвучно подпевал, шевеля губами. Адрес конторы по аренде автомобилей я назвал по памяти. Вчера просмотрел сайты, нашёл несколько недорогих и сразу забронировал УАЗ «Патриот». Выбор странный для пенсионера, но мне не по асфальту кататься. Таксист выслушал адрес, глянул на меня в зеркало и молча кивнул. В его зеркале я был просто стариком. Ничего интересного. Я был этому только рад.

Контора ютилась на первом этаже панельного дома, между шиномонтажом и ателье. Внутри пахло растворимым кофе. На стенах висели ламинированные плакаты с автомобилями и неестественно счастливыми людьми на заднем плане. За стойкой сидел парень лет двадцати пяти, в клетчатой рубашке и с жидкой бородёнкой, которая должна была придавать солидности, а придавала вид болезненного цыплёнка. На бейджике значилось: «Дмитрий, менеджер». Он жевал бутерброд с колбасой и смотрел в компьютер. Крошки

сыпались на клавиатуру, и он смахивал их ладонью, не глядя, привычным движением.

«Здравствуйте, я бронировал автомобиль. Фамилия Сомов».

Он глянул на меня: на старую потрёпанную куртку, на очки, которые я нарочно надел, и как-то сник. По лицу было видно, о чём он думает: ни расширенную страховку, ни допуслуги такому не продать, а вопросов дед по старческой привычке задаст кучу. Придётся канителиться. Он вздохнул так, будто я уже отнял у него полчаса жизни, и отложил бутерброд на край стола, на салфетку.

Я протянул паспорт и права. Права были советского образца, срок давно вышел. Я рассчитывал сыграть роль старика, который ничего не понимает в новых порядках. Впрочем, играть почти не пришлось. Я молча ждал, не задавая ни одного вопроса, и Дмитрий это заметил. Плечи у него немного приподнялись, лицо разгладилось, и он вздохнул с таким облегчением, будто ему отменили внеплановую ревизию. Потом повернулся обратно к компьютеру.

Документы он взял, глянул мельком. Сделал ксерокопию и тут же вернул. Даже не посмотрев на дату. Вбил в договор мои ФИО и продиктовал сумму. Я оплатил картой «Мир», подписал бумаги. Получил ключи. На всё про всё ушло семь минут.

«Машина на стоянке напротив, зелёная, двадцатое место», выдал он скороговоркой и вернулся к своему бутербро-

ду. Я вышел, в спину мне щёлкнула дверь с доводчиком.

В моё время за такую халатность по шапке дали бы. Сегодня, похоже, главное, чтобы клиент не приставал и не отвлекал от личной жизни.

УАЗ был новый, в салоне было чисто, как бывает только в машинах, которые ещё ни разу не видели зимы. Я сел, положил ладони на руль и почувствовал, как они узнают его сами. Коробка передач скрипела и хрустела, но я к такому привык: тридцать лет на «шишигах» и «уазиках», и в этой машине ничего не поменялось.

Серая «Шкода» с московскими номерами стояла у обочины. Внутри сидели трое. Двое те самые, что ехали со мной в одном поезде, плюс водитель, которого я раньше не видел. Видимо, машина вышла из Москвы сразу, как только я взял билеты. Шустрый, наверное, гнал всю дорогу. Когда я вырулил со стоянки, они слегка занервничали: не ожидали, что я поеду на собственных колёсах. Кожаный привстал на сиденье, Болоньевый что-то сказал водителю, и «Шкода» тронулась, пропустив вперёд белую «Ладу».

Я покатил по городу. Минск чистый, широкий, зелёный, с домами, которые помнят другую страну. Казалось, будто с моего последнего приезда и не прошло нескольких десятков лет. Колесил по проспектам и дворам, проверяя хвост. Держались как приклеенные. На светофорах я отрывался, они нагоняли. Непрофессионально, но упорно. У одного двора я остановился, якобы поправить зеркало, и «Шкода» проехала

мимо, не тормозя.

За городом я свернул на первую попавшуюся просёлочную дорогу и вдавил педаль. УАЗ не спорткар, но по таким дорогам идёт как родной. А «Шкода», пытаясь не отставать, на низком профиле прыгала на каждой яме. Лес по обе стороны подступал всё ближе к дороге и закрывал мой автомобиль, как занавес. Я проскочил ещё километров десять и выехал обратно на трассу.

За пятнадцать километров до нужного мне посёлка встретилось придорожное кафе. Стилизованная под старину деревянная избушка с резными наличниками, «У дяди Вани». Я остановился.

Заказ принесла розовощёкая молодуха в вышитом переднике, с косой толщиной в мою руку. Поставила тарелки, оглядела меня и сказала: «Кушайте, дедушка, поправляйтесь». Я не стал спорить, ни с ней, ни с драниками со сметаной, ни с мачанкой с блинами. Мачанка густая, с колбасками и рёбрышками, драники хрустят, сметана холодная. С новыми вкусовыми ощущениями я больше не спорил, принимал их с интересом: что новенькое выдаст мне это блюдо? Выдало много.

Минут через двадцать подъехала «Шкода» и встала на обочине в сотне метров. Никто не вышел. Странно. Я вроде от них оторвался. Вероятность найти меня с учётом моего петляния по дорогам крайне низкая. Где-то жучок: либо в автомобиле, либо они отслеживают меня по телефону.

Я расплатился, сел в УАЗ, делая вид, что не замечаю «Шкоду», и поехал дальше. А в зеркале «Шкода» тронулась следом. Не сбрасывая скорости, я одной рукой нашарил в кармане телефон и держал кнопку, пока экран не погас. Если они смотрели на мою точку, пусть теперь смотрят в пустоту.

Новоколосово оказалось обычной белорусской деревней: деревянные дома, палисадники, бабки на лавочках, куры на дороге. Я проехал её насквозь и свернул даже не на дорогу, а на направление, больше похожее на то, которым пользуются только местные трактористы, выезжая на полевые работы. Воткнул полный привод, УАЗ взревел, подпрыгнул на кочке, пошёл по полю. «Шкода» сунулась следом и села.

Около часа я мотался по полям и лесным дорогам, переезжал вброд ручьи, путал следы. Места помнил смутно, по старым картам, но ориентиры были: холм с тремя берёзами, ложбина, старый овраг. Хутор нашёл не сразу. Он зарос так, что и не заметишь. Деревья проросли прямо сквозь то место, где стоял дом. От него остались груда камней и печная труба.

Я заглушил мотор. Тишина стояла почти абсолютная. Где-то далеко пели птицы, в кронах лениво перебирал листву ветер. Ни гула трассы, ни провода над головой, ни единого звука, сделанного человеком. Казалось, наш железный век сюда так и не доехал: застрял где-то на просёлке, как та «Шкода». День клонился к закату, тени вытянулись и легли на траву. Пахло свежестью и влажной росой, хвоёй и тёплой землёй. Солнце повисло низко над соснами и красило стволы в медь.

Хотелось сесть на пень и просто слушать.

Всё, что понадобится под землёй, я достал из хранилища заранее: лопату, оба фонаря, верёвку с кошкой.

От правого угла бывшего дома отсчитал двадцать шагов и начал копать. Земля шла мягко, пахла грибами и сыростью. Через полчаса стало ясно: пусто. Я перемерил и понял ошибку. В шестьдесят первом шаг у меня был широкий, а нынешние двадцать не дотягивали до тогдашних метров на три. Прибавил на глаз и взялся копать в другом месте. Лопата звякнула о камень на глубине штыка. Я расчистил плиту, подкопал, упёрся и сдвинул. Тяжёлая, зараза. Тело, которое я считал полностью выработанным, теперь готовилось к новым жизненным приключениям, и сил в нём было заметно больше.

Под плитой чернел бетонный колодец, узкий и глубокий. К стене была приварена железная лестница, ржавая, но на вид крепкая. Из колодца тянуло холодом и чем-то старым, как из погреба, который не открывали с войны. Я посветил фонариком вниз, дно терялось в сумраке. Насколько я помнил, глубина была восемь метров.

Сел на край, нащупал ногой первую скобу и начал спускаться. Ржавчина крошилась под ладонями и сыпалась за шиворот, кружок вечернего неба над головой с каждой ступенью становился всё меньше и бледнее.

На четвёртой ступени что-то хрустнуло. Я полетел вниз, затем сильный удар в спину. Потом голова встретилась с

чем-то острым. И навалилась полная темнота.

Очнулся от холода. Лежал на жёстком и твёрдом. Острый угол ящика упирался мне в бок. Полная тишина. Слышал я только удары собственной крови в ушах. Или это у меня контузия? Спина ныла, я не сразу поверил, что уцелел. Сколько прошло времени, не знаю. Минут сорок, наверное, может быть, два часа. Начало темнеть, когда я полез, значит, сейчас уже ночь.

Электрический фонарик разбился при падении, пальцы наткнулись на осколки. Зато керосиновый фонарь остался висеть на поясе и, как ни странно, оказался цел. Я нащупал его. Чиркнул спичкой. Фитиль зашипел, задымил и разгорелся. Китайские фонарики дохнут через сезон, а это изделие ушедшего государства, пролежав столько лет в подсобке, зажглось с первого раза.

При свете фонаря показались бетонные стены в старых засохших подтёках. Вдоль них громоздились ящики, на полу валялись ржавое железо и тряпьё. Я опёрся на ближайший ящик, и он рассыпался под рукой в труху. Внутри, в солидоле, ровным рядом, как новые, покоились три «Калашникова». Я провёл ладонью по прикладу, и тот отозвался ощущением сухого тёплого дерева, будто хранился не под землёй, а на полке в оружейке.

С фонарём в руке я пошёл вдоль стен, как кладовщик на ревизии. Ещё два ящика со стволами, итого девять ав-

томатов. Три пулемёта MG, немецких, на сошках, и к ним несколько десятков цинков. Пистолеты в промасленной бумаге, среди них трофейные парабеллумы, и патроны к ним. Цинки с автоматными патронами: вскрыл один, патроны блестят, ни пятнышка ржавчины. Несколько ящиков выстрелов к РПГ. И ящики с лимонками. Запалы к ним лежали отдельно, в жестяной коробке, и вот они-то почему-то поржавели. Вкрутить такой в гранату всё равно что пожать руку покойнику: может, и обойдётся, а может, рванёт прямо в ладони.

В шестьдесят первом нас забросили в Белоруссию ликвидировать банду. Я тогда ещё срочку служил в войсках дяди Васи. Среди бандитов были бывшие власовцы, подготовленные западными спецслужбами. Перед этим они успели взять два склада с трофейным немецким оружием и один при воинской части, отсюда и такой ассортимент. Вывели нас на них по ниточке, потом на схрон. Приказ был простой: работайте, остальное не ваше дело. Плиту мы привалили землёй и ушли. Внутрь никто не заглянул.

Наверх надо было поднять всё. Браслет под землёй молчал, хранилище отсюда не откроешь. Я нарезал часть верёвки и начал вязать тюки по двадцать-тридцать килограммов, с петлями. Потом привязал к остатку кошку и забросил наверх. Судя по звуку, она зацепилась за край плиты. Самоделка пригодилась. Обмотав верёвку вокруг руки, полез по остаткам лестницы. Скобы держались плохо, но я страховал-

ся. Минут через десять я вылез, лёгкие раздувались, как кузнечный мех.

Дальше началась работа, которую в армии называют простым словом, а в книжках не пишут вовсе. Тюки, увязанные заранее, я один за другим цеплял кошкой за петли и, перехватывая верёвку, вытягивал наверх. Пулемёт на сошках тянул килограммов на двенадцать, цинк на пятнадцать, ящик с выстрелами на все двадцать. Ладони горели, верёвка резала пальцы даже сквозь намотанную тряпку. Тело, которое ещё месяц назад задыхалось на третьем этаже, ныло, но тянуло. Старое бы на втором тюке сдалось.

Когда последний тюк лёг в траву, я упал рядом и долго смотрел в звёздное небо. Тишина, ветерок. Браслет на запястье снова потеплел, но открывать хранилище не было сил. Сначала осмотр.

Девять автоматов, три пулемёта, пистолеты, цинки, ящики с выстрелами. Сами гранатомёты умерли: трубы забиты грязью, прицелы разбиты. Но выстрелы к ним целы, а взрывчатка в хозяйстве лишней не бывает. Лимонки под вопросом, из-за запалов. Но автоматы — главное.

И тут хрустнула ветка.

Метрах в десяти, в подлеске. Кто-то шёл, не таясь, ломая сушняк. Рефлексы, слава богу, не пропали: финка ушла на звук раньше, чем я успел об этом подумать, а сам я кувырком ушёл за поваленное дерево. Локтем задел керосиновый фонарь, тот упал, звякнул стеклом и погас. Из темноты до-

нёсся крик, дикий, с болью. Попал. А вот, похоже, и кабаны мои в гости пожаловали.

В ответ из кустов начали стрелять. Вспышки хаотичные, пальба наугад, вслепую. В лицо мне летели земля и щепки от ящиков с оружием. Я вжимался в землю и мысленно молился об одном: только бы ни одна пуля не нашла выстрел к РПГ, иначе от меня вместе с этой поляной останется аккуратная воронка.

Автоматы в солидоле, к бою не готовы. Зато есть гранаты. На ощупь я достал одну Ф-1 и с хрустом вкрутил ржавый запал. Пальцы делали своё, голова старалась не думать, что эта железка вполне может рвануть прямо в руке. Выдернул кольцо и швырнул туда, где огрызались пистолетные вспышки, короткие и злые, как плевки.

Глухой шлепок. Ничего. Дохлая, решил я. Зато стрелок, услышав шлепок, дал серию выстрелов по месту падения. И тут рвануло. Сильная вспышка, короткий крик, и всё. Тишина навалилась такая, что лес, казалось, задержал дыхание: ни птицы, ни ветки, ни шороха. Только звон в ушах, тонкий, как комариный.

Так. Теперь автомат. Где-то здесь ещё один, а может, и двое.

К куче я пробирался по-пластунски, ощупывая землю впереди, чтобы не хрустнуть веткой. Нащупал холодный ствол, подтянул к себе. Оттянул затвор. Не идёт. Засохшая смазка. Матерился про себя и дёргал, пока не дошло: предо-

хранитель. Да что ж такое с моей памятью? Голова, которая полвека держала в себе позывные, частоты и номера частей, вдруг выронила то, чему учат на первой неделе. В голове откашлялся Помощник: «С момента последнего обновления клеточной структуры когнитивные функции откатились на тридцать процентов». Ответил я ему на русском командном, не стесняясь в выражениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.